

КАТЕРИНА

ФАРБРИКА

крейстлауфы, шорин, медузы, гелиофоры, ектаы, фотоморганы, лед

К. А. Терина

Фарбрика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25439756

ISBN 9785448559372

Аннотация

Мир не таков, каким мы привыкли его видеть. Возможно, под кроватью притаились шорхи. Возможно, кто-то крадёт наши воспоминания. Возможно, в подземных переходах ждут чудовища. Почему опасна гелиография? Взойдёт ли завтра луна? Откуда взялись фатаморганы и стоит ли глотать медуз? А главное, кто виноват в гибели енотов? Фарбрика даст ответы. Только помните: оттуда ещё никто не вернулся.

Содержание

Некогда	5
Никто не покидает Порт-Анри	7
Крозельчикюс	47
1	47
2	50
3	51
4	55
5	61
6	64
7	68
8	73
9	76
10	79
Фатаморгана	86
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Фарбрика

К. А. Терина

Дизайнер обложки К. А. Терина

Иллюстратор Юлия Меньшикова

Корректор Наталья Витько

© К. А. Терина, 2018

© К. А. Терина, дизайн обложки, 2018

© Юлия Меньшикова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4485-5937-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Некогда

Никто не покидает Порт-Анри

Захожу в бар – разговоры тотчас стихают. Все смотрят на меня. Франсуа, конечно, уже растрезвонил. Не то чтобы я собирался скрытничать, да и как такое скроешь, завтра во всех газетах будет. Но всё равно не по себе.

Зачем тогда, спрашивается, понесло меня в «Азур»? Знал же, что Франсуа ни слова в себе не удержит, у него язык без костей, у этого Франсуа, недаром его прозвали Трепач. Но тут дело такое: когда голова забита проблемами, ноги идут по знакомому маршруту, не спрашивая разрешения. Док Сезар зовёт это паттернами поведения.

Док тоже здесь, ещё бы ему не быть. Спрятался в самом тёмном углу. Только глаза и видны. В глазах – чёртово сочувствие. Остальные взгляды не лучше. Зависть пополам с искренней радостью за меня.

Злость меня берёт от этих взглядов – не передать. Особенно от сезаровского сочувствия. Сволочь он, вот кто. Если б не его рассказы, я был бы счастливейшим человеком в Порт-Анри. А что теперь?

Теперь я на краю пропасти.

Но ведь им-то не объяснишь.

Они сейчас думают не обо мне и даже не о моём сыне. Они думают о собственных детях, которые сегодня потеряли шанс выиграть самую главную лотерею в своей жизни. Что

их ждёт? Одни станут рыбаками, другие старателями. Кто-то, если очень повезёт, попадёт в гвардию кайманов. Кто-то, если не повезёт совсем, отправится в шахту.

Мне приходилось видеть детей-шахтёров. Хмурые измождённые лица, тёмные, точно пропитавшиеся мраком глаза. Словно они в горных пещерах увидели то, что изменило их навсегда.

Любой порт-анриец расскажет: в горах живут особые демоны, которые не любят расставаться со своими сокровищами и требуют взамен живые человеческие души. Потому у детей работа спорится – души их чище, а значит, вкуснее для демонов. Из шахты как неизлечимую болезнь ребёнок уносит такого демона в себе, и демон этот медленно поедает детскую душу, оставляя от неё никчёмный сухой скелет.

На первый взгляд люди в Порт-Анри такие же, как и везде. Не хуже, не лучше. Так-то оно так. Только со стороны особенно и не разглядишь, что у них внутри. А внутри у них такие вот истории, от которых даже мне бывает нехорошо.

– Что застыл, Джо? – кричит Франсуа. – Проставляйся, дружище. Ты, конечно, теперь почти небожитель, но старых товарищей забывать – грех.

– Для тебя мистер Джо Феллоу, Трепач.

Франсуа щербато улыбается в ответ.

В Порт-Анри ужасно любят прозвища. Семь лет назад кое-кто норовил называть меня Каторжником. Пришлось сломать пару носов, чтобы это прекратить.

Киваю бармену. Что будет дальше, я знаю наперёд. Сколько раз наблюдал это веселье. Едва удача подмахнёт какому-нибудь нищему старателю, он тотчас становится знаменитостью – пусть всего на день, пусть добычи его, горстки изумрудов, хватит разве что на угощение завсегдатаям бара. Нет, чтобы жене купить новое платье. Всё оставит здесь, получая взамен улыбки и одобрение товарищей. Такой уж тут народ, в Порт-Анри.

Ничего не поделаешь, придётся пройти через это. Поздравления, дружеские хлопки по плечу. Каждый норовит пожать мне руку, бармен непременно требует фотографию с автографом на стенку. Ещё бы – теперь его «Азур» станет достопримечательностью, может, даже коктейль «Кайпиринья» в мою честь переименуют в «Джо Феллоу».

Но до чего же тошно!

Залпом выпиваю стакан кашасы и требую ещё.

Чёртовы тропические ночи подкрадываются коварно и бесшумно, не хуже ловких воришек. Может, ночи тоже воришки. Очень может быть. Но что они крадут? А если не крадут ничего, зачем обрушиваются на мою бедную голову так внезапно? Жизнь меня мало чему научила, но одно я запомнил накрепко: у всякой живой твари в этом мире есть своя цель и свой мотив. Никто ничего не делает просто так. Другой вопрос, можно ли считать ночь живой тварью? Есть ли у неё, у ночи, душа? Хотя, если подумать, собственная во-

ля случается и у предметов неодушевлённых. Взять хотя бы любимую удочку моего деда, с которой он рыбачил на реке Литл-Тенесси. Чуть что не по её, не по-удочкиному, пиши пропало: рыбалки не будет. Уж не знаю, как она этих окуней отпугивала, что им нашёптывала. Но вот поди ж ты: рядом рыбаки не успевают подсекать, а у деда – тишина и покой. Как он с этой удочкой нянчился – иная жена позавидует. Разве что кофе в постель не носил. И то не поручусь.

Тут я понимаю, что последний стакан кашасы был лишним. Мысли плутают путаными тропами, как сам я плутаю по кривым узким улочкам Порт-Анри.

Ну, нет, Джо, говорю я себе. Так не пойдёт. Может, это и есть твой коронный номер – напиться, когда надо действовать, но сегодня я тебе этого не позволю. Трезвей, каторжник. Трезвей немедленно.

Последний раз я так напивался пять лет назад.

Но тогда я был в своём праве. Все отцы напиваются, узнав о рождении ребёнка. Жёны считают нас ужасными эгоистами и слабаками из-за этого.

А я вот что скажу. Женщина девять месяцев живёт с ребёнком внутри. Это чудо становится её частью, неспешно вписывается в картину мира линия за линией.

На мужчину чудо обрушивается лавиной. Новое измерение открывается прямо перед тобой. Как дыра в параллельную вселенную. Как восход солнца после долгой – в целую жизнь – ночи. Как если бы ты падал в пропасть, но у самой

земли понял вдруг, что теперь умеешь летать.

Поэтому настоящий мужчина может напиться как следует ровно столько раз, сколько у него родилось детей.

И ни разом больше. Даже если речь идёт о жизни твоего сына. Особенно если речь идёт о жизни твоего сына.

Оглядываюсь. Ночи в Порт-Анри тёмные и густые. Не так-то просто сориентироваться в этой черноте. Но запах не подведёт никогда. Втягиваю носом воздух. Среди ароматов специй и моря различаю кое-что особенное. Типографская краска.

И звуки. Я как будто слышу треск печатной машины из подвала. Светятся окна во втором этаже здания слева от меня. Никаких сомнений: это редакция «Свободного Гуа-нахани». Газетчикам ночью самая работа. Так и вижу, как редактор сидит хмурый, с всклокоченными волосами, с папиросой в уголке рта. Мучительно формулирует, запивая бездарность крепким ромом.

Мне не нужно подниматься наверх, не нужно заглядывать редактору через плечо, чтобы увидеть заголовок главной завтрашней новости.

Мне не нужно угадывать, я знаю наверняка.

«Король Анри IX выбрал наследника» – вот что будет напечатано во всю ширину первой полосы. Дальше в несколько строчек глубокая печаль о юном Анри IX, восхищение мужеством, с которым двенадцатилетний король держится перед лицом скорой смерти. Ещё ниже – непременно история

вопроса.

«Все мы с замиранием сердца ждали решения Его Величества. Свершилось! Наследником назван пятилетний Николая Феллоу. По традиции Николая примет имя Анри и под этим именем станет десятым королём Гуанахани».

Рядом будет фотография моего сына.

Ещё, может, припишут внизу совсем мелко: «Напоминаем, что с завтрашнего дня и до вечера воскресенья, когда состоится коронация, все порты Гуанахани будут закрыты в честь праздника».

Слышу шаги за спиной. Шлёп-шлёп. Можно не оборачиваться, я знаю, кто это.

Док Сезар.

Точно, он.

И сразу быка за рога. Упрямый старик.

– Что будешь делать, парень?

– Иди к чёрту, док.

– Кашасой ничего не решить, Джо.

– Док, уйди, прошу. Видеть тебя не могу.

– Не будь дураком, Джо. Надо что-то делать. Ведь нельзя же...

Толкаю его – легонько, по моим меркам. Но док падает на мостовую.

Ударить такого – всё равно что ребёнка обидеть. Чёртов город, что ты со мной сделал. Я дерусь со стариками.

– Прости, док, – подаю ему руку.

Он встаёт, отряхивается, поправляет очки. Продолжает, точно ничего не произошло:

– Надо решать сегодня, Джо. Завтра будет поздно.

А то я не знаю.

– Когда закроют порт? – спрашиваю.

– Уже закрыли. И развесили праздничные флаги.

– Значит, моторку теперь никак не достать.

– Нет, не достать.

Я бы мог взять лодку Франсуа. Но – нет. В этом никакого смысла. Слишком медленная посудина. На такой далеко не уйдёшь.

– Ни за какие деньги не достать, – сокрушается док.

Как будто у меня есть деньги! Вот уж что неизменно в моей жизни, так это их отсутствие.

– Но можно украсть.

Док смотрит на меня таким специальным взглядом: мол, ты же вор, Джо. Что тебе стоит?

Люди в Порт-Анри ужасно упрямые. Если уж вбили себе в головы, что Джо Феллоу – первоклассный вор, разубедить их не получится. Они будут кивать, слушая твой рассказ, что на каторге ты оказался по чистой случайности, что присяжные – идиоты, судья – подлец, а адвокат – бездарный школяр, что сам ты ещё худший идиот, который собрался писать роман о парижском дне, но прежде вздумал собрать материал и лично, на собственной шкуре, испытать нелепый сюжет, что ни к самому ограблению, ни тем более к убий-

ству того старика ты не имеешь отношения – всего-то ждал у машины и выкурил десяток папирос... Они будут кивать и лукаво улыбаться, но не поверят ни единому твоему слову. Джо Феллоу – первоклассный вор, но любит приврать, скажут они.

Говорю доку, чтобы он шёл спать.

Сам иду к матушке Симонэ. Её заведение работает круглосуточно.

Симонэ встречает меня лично. Усаживает в плетёное кресло. Приносит яичный коктейль и крепкий кофе. Эта старуха знает о мужчинах больше, чем любая другая женщина. Больше, чем знаем о себе мы сами.

– Монти наверху? – спрашиваю. Она пожимает плечами: а где же ему ещё быть.

Я подожду. Просто посижу здесь, главное – не уснуть.

Я так долго и внимательно таращусь на выцветшую фигурку Девы Марии в углу, что Симонэ начинает оправдываться: мол, давно пора выкрасить заново, да всё недосуг.

Не слушаю её, как не вижу блеклую Деву Марию.

Я сбежал с Адского острова, из самой охраняемой тюрьмы Французской Гвинеи, откуда, говорят, бежать невозможно. Неужели же я не придумаю, как выбраться с мирного тихого Гуанакани?

Когда неделю назад Сезар пришёл ко мне и сказал, что королём выберут моего Никки, я едва не поперхнулся ромом.

Был вечер, мы устроились на веранде. Солнце тонуло в синеве моря. Чертовски красиво.

Мне никогда по-настоящему не нравился Порт-Анри. Это стыдное чувство – сродни ненависти к собственному отцу. Точнее, к отчиму. Порт-Анри принял меня как родного. Простил старые грехи. Дал жену. Сына. Товарищей. Согрел и кормил. Но за семь лет я так и не стал здесь своим. Две вещи примирили меня с этим городом: закат и мой сын.

Когда солнце скрылось, док начал рассказывать про Сек, и мне пришлось сходить за ещё одной бутылкой.

Мы с ним знакомы семь лет. Я, можно сказать, обязан ему жизнью. Только поэтому я не выпроводил его сейчас же, а вежливо выслушал весь этот бред.

Выслушал и сказал:

– Док, это полный бред.

– Ты никогда не задавался вопросом, почему тогда, семь лет назад, не выжил никто из твоих товарищей?

Чёрта с два я не задавался. Правда, своё недоумение формулировал иначе: почему выжил я?

Мы были настоящими трупами, когда добрались до Порт-Анри. Почти две недели в океане на трухлявой речной лодке, которую едва не утопил первый же шторм. Солнце и соль изранили кожу. От обезвоживания у меня начались галлюцинации. Сначала мне казалось, что я снова вернулся в карцер и остался один на Адском острове. Что всем каторжникам Французской Гвианы объявили амнистию, только меня забы-

ли в сыром подвале, пропахшем гнилью. Я отчаянно и безответно выстукивал по дну лодки послания воображаемому соседу по блоку. Потом разговаривал с мёртвыми людьми. Они по очереди появлялись в лодке, садились напротив и молча смотрели. Я видел деда, который умер ещё до войны. Видел отца и мать. Немецкого солдата, которому я прострелил ногу. Девушку из Амьена, на которой обещал жениться. Перед каждым из них я был в чём-то виноват, и эта вина разъедала мою душу, как соль разъела кожу. Я каялся и молился, но ответом мне была тишина.

Услышав крики чаек, я ни на миг не усомнился, что это очередной мираж.

После такого путешествия не всякий здоровый человек встанет на ноги. А я здоровым не был. Я был бледным чучелом, которое выбралось под солнце после пяти месяцев в подвалах Адского острова, где во время прилива вода поднимается по пояс.

Мы бежали втроём. Я, Антуан и ещё один парнишка, имени которого я так и не узнал. Никто из нас не был обучен морскому делу, и это настоящее чудо, что нашу скорлупу принесло к берегу Гуанакхани.

Порт-Анри. Мекка всех каторжников Французской Гвианы. Мечта, которая давала мне силы на Адском острове. Мираж морской пустыни. Рассказывали всякое. Но меня всегда интересовало одно: Гуанакхани, в отличие от Тринидада, Кюрасао или Гренады, не выдаёт беглых преступников.

Когда я пришёл в себя в больнице Порт-Анри, мне сообщили, что товарищи мои мертвы. Чуда хватило только на меня одного.

Иногда думаю: может, я всё ещё там? В этой лодке? Умираю от обезвоживания и вижу сон?

– Я выслушаю твою версию, док. Но не обещаю в неё поверить. Сегодня ты явно не в себе.

– Это не версия, Джо. Когда вас привезли в госпиталь, первым делом проверили кровь. Из всех троих подходил только ты. Узнав об этом, Его Величество прислал личного врача.

– И кто же этот врач?

– Я, Джо. Я.

Вот такие новости через семь лет знакомства, почти дружбы. Никогда бы не подумал, что док такой непростой человек. Внешне – обыкновенный порт-анрийский старик, смуглый, невысокий. Запросто заглядывает в «Азур». Любит выпить, умеет рассказывать, умеет и слушать.

Дела.

– И что же, остальных, значит, так и оставили умирать?

– Отчего же. Их лечили, конечно. Но лечил их не я, а значит, шансов у твоих товарищей, считай, не было.

– Что же такого особенного в моей крови?

Надо же, старый Анри VIII, дед нынешнего короля, Анри IX, лично принимал участие в моей судьбе. Впору возгордиться.

Меня всегда восхищало справедливое устройство монархии Гуанахани. Когда нет прямых наследников, король выбирает преемника среди детей простых портанрийцев. За сто с лишним лет на Гуанахани сменилось десять монархов. Пятеро из них были из семей рыбаков и шахтёров.

Удивительного тут ничего нет. В конце концов, первый Анри был и вовсе рабом, носил фамилию своего хозяина и полжизни жарился под солнцем на тростниковых полях. Пока в 1813-м не случилась революция. Говорят, тогда на острове вырезали всех белых. Потом, понятно, извинялись, но не думаю, чтобы очень искренне.

– Ты не представляешь, Джо, какая важная штука – кровь. Мой предшественник на посту личного королевского врача, доктор Августо Медина, рассказывал, что Анри планировал жениться на одной из внучек королевы Виктории. И будь уверен, реши он это крепко, ни королева, ни английский парламент, ни сама внучка не смогли бы ему отказать. Но Анри передумал, когда узнал, что у отпрысков Виктории дурная кровь.

– Это который Анри? Пятый или шестой?

– Джо, ты меня совсем не слушаешь? Не было ни пятого, ни шестого. Как не было второго, третьего и прочих. Анри всегда один. Первый и единственный.

Грузные шаги на лестнице. Это, конечно, Монти. Господин Смит, американский консул.

У нас с консулом сложные отношения. Монти отлично знает, что именно я научил своих товарищей обращаться к нему по имени. Его это злит, но поделаться он ничего не может. Ещё больше консула Смита раздражаю я сам. Он был бы рад устроить мою экстрадицию на родину. Но руки коротки.

Одно качество мне нравится в этом толстяке: он неплохо умеет держать лицо.

Увидев меня, Монти только вскидывает бровь.

Симонэ провожает нас в небольшую каморку, которая служит ей чем-то вроде офиса. Хорошо, что не предложила пойти наверх, в одну из спален.

Я рассказываю Монти Смиту про Сек, короля и моего сына.

– Феллоу, вы несёте полную чепуху. Сколько вы выпили? – говорит он.

– Я выпил не так уж много. Считай, и не пил вовсе. Послушайте, Монти, вы ведь не обязаны мне верить. Я предлагаю беспрюигрышную сделку.

– Какой мне прок ссориться с королём Анри?

– Вы получите меня. Станете героем. И уберётесь в конце концов с этого проклятого острова. Гуанахани – могила для дипломата. Не представляю, что вы натворили, чтобы заслужить такое назначение. Но держу пари, вы будете рады возможности всё исправить. Вернуться в цивилизованный мир, снова сделаться господином Смитом. Признайтесь, вас ужасно бесит, что всякий порт-анрийский нищоброд зо-

вёт вас «Монти».

– У вас мания величия, Феллоу. Там, на большой земле, вы ничтожество, ноль, пустота. Дезертир, воришка и беглый каторжник, которому удалось однажды написать плохонькую книгу. Никто не помнит вашего имени.

– Моё имя, дорогой Монти, помнит один сенатор, который, по слухам, имеет неплохие шансы стать следующим президентом.

Похоже, я попал в точку. Я мало что умею, но вот читать по лицам – в этом я мастер.

– С чего вы вообще взяли, что королём назначат вашего сына? У меня нет такой информации.

Монти особенно смешон, когда вот так принимается надувать щёки.

Американское консульство в Порт-Анри – фикция. Слова на бумаге. В распоряжении Смита три морских пехотинца и два клерка. А большая часть его, Смита, деятельности сконцентрирована здесь, в заведении матушки Симонэ.

– Мы с Трепачом, с Франсуа то есть, закончили сегодня пораньше. Пустой день, никакого улова. Кайманы ждали нас прямо на пирсе, вручили официальное уведомление. Не думаете же вы, что кайманы станут шутить такими вещами?

Монти хмурится.

– Хорошо, Джо. Я вас выслушаю. Но предупреждаю: я не стану предпринимать ничего, что можно истолковать как вмешательство во внутреннюю политику Гуанахани.

Уже кое-что. Он готов обсуждать план, а большего мне и не надо. План у меня есть, и он хорош. Если только Смит согласится помочь.

– Если вы правы и всё, что я рассказал, – бред, то ничего не произойдёт. Ему ведь нет никакой разницы, кого назначить королём. Выберет другого мальчишку на роль Анри Десятого.

– Конечно, я прав. Джо, вы же писатель, образованный человек. Пусть и преступник. Но скажите, бога ради, как вам вообще пришло в голову поверить в эту чепуху?

Я не верю словам. Я не верю доку Сезару.

Я не скажу этого вслух, но думаю, дело в кошмарах.

Прежде я никогда не видел снов. Даже на Адском острове, в карцере, загибаясь от лихорадки. Даже там.

Но теперь кошмары приходят каждую ночь. Порт-Анри моих кошмаров укутан серой паутиной. Жители его похожи на чучела с пустыми глазами и зашитыми ртами. Все их движения раз и навсегда предопределены паутиной, они – марионетки в лапах паука. Паук всегда рядом. Притаился за углом. Выглядывает из зрачков прохожего. Приветливо машет мне мёртвой рукой куклы, которую держит в руках чучело ребёнка. И каждый раз этот скрип. Едва слышный, но очень тревожный. Как шёпот в соседней комнате, когда ты точно знаешь, что в доме нет никого, кроме тебя.

Когда я выхожу от Симонэ, ещё темно. Но я слишком хорошо знаю коварство южных ночей. Нужно спешить. Я иду

к Жозе. Где-то впереди его маленькие оборванцы по эстафете передают весть обо мне.

Семь лет назад, когда я только появился на острове, Жозе долго ходил вокруг меня в надежде получить первоклассного вора в своё распоряжение. Если честно, я даже немного расстроился, что на самом деле я не тот, за кого меня принимают. Очень уж интересно было узнать, для какого такого дела может понадобиться профессиональный вор на острове, где никто не запирает двери.

Мой отказ больно ударил по самолюбию Жозе, но дальше я выкинул номер похлеще: отбил у него девушку. Так, по крайней мере, полагает Жозе. Правда в том, что Валери сама выбрала меня. А эта женщина всегда добивается, чего хочет.

Я захожу без стука и иду прямо в патио. Жозе, конечно, уже там. Ждёт меня. На столе бутылка кашасы и тарелка с лаймами. Для Жозе это особенный шик, подтверждение его эфемерной власти. Пусть на этом острове нет организованной преступности в привычном для цивилизованного человека смысле. Но всеми контрабандистами, всеми нелегальными старателями и всеми портовыми оборванцами управляет именно он, Жозе.

У Жозе лицо демона. Он чёрен как уголь. На коренных портанрийцев Жозе смотрит свысока, как смотрит наследник престола на брата-бастарда. Отец Жозе ходил по земле

Африки, дышал её воздухом и никогда не был рабом. За стаканом рома Жозе любит прихвастнуть, что несёт в себе частицу огромного континента.

– Тебя можно поздравить, Феллоу? Ты теперь не просто каторжник, ты теперь каторжник, отец короля.

С Жозе не нужно бродить вокруг да около. Я без предисловий выкладываю всё начистоту. Внимательно слежу за выражением его обсидианового лица, надеясь понять реакцию. С уверенностью могу сказать одно: Жозе не удивлён.

Эта мысль страшнее моих снов: что если они все знают? И всегда знали? Закрывали глаза, прятались за цветными стенами, яркими флагами, кутались в свою доброжелательность, лишь бы тьма этого знания не нарушала их покой. Но Жозе говорит:

– Никогда не слышал более нелепого бреда, Феллоу. Ты украл мою женщину, а теперь хочешь украсть короля? Ох, не зря тебя упекли на каторгу.

Он говорит что-то ещё, какие-то неприятные резкие слова, но я уже вижу: Жозе мне поможет. Этот человек действительно сделан из камня, и, точно в камне, застыли его чувства. Несколько лет ничто для камня. Мгновение. Он всё ещё любит Валери.

Возвращаюсь домой. Уже почти утро.

Захожу в спальню. Здесь всегда пахнет одинаково: корица и лаванда. Валери спит.

Рядом спит Никки.

Я плохой человек. В отличие от большинства моих товарищей, я отдаю себе в этом отчёт. Кое-кто скажет, это, мол, гордыня. Но как по мне, одним грехом больше, одним меньше – невелика разница.

Мне было семнадцать, когда я впервые убил человека. Это была честная драка, и мой противник, случись удача на его стороне, точно так же, без колебаний, убил бы меня. Спор у нас вышел из-за женщины. Я не помню ни её лица, ни её запаха, ни её голоса. Только имя. Агнесс. Она никак не могла выбрать между нами двумя, потому без сомнений отдалась обоим.

Тот, второй, был сыном сенатора. Я и тогда не очень-то верил в суд присяжных, потому, не дожидаясь ареста, нанялся на первый же пароход в Европу. Решил стать писателем. Но прежде, конечно, как следует узнать жизнь. Приехав во Францию, пошёл добровольцем на фронт. Никакой идеологии. Плевал я на немцев, французов, англичан и всю их политику. Я хотел узнать войну. Мне хватило одного сражения, чтобы решить, будто я всё понял о войне. Я дезертировал. Отправился в Париж и написал нелепейший роман, который, к моему тогдашнему удивлению и теперешнему сожалению, даже издали небольшим тиражом. Как же я был горд собой! После выхода книги мне казалось, что теперь меня непременно станут узнавать на улицах. Не узнавали. Я купил свой роман, перечитал его, и разочарованию моему не было

предела. Что ж, решил я, напишу ещё один.

Вместо этого угодил на каторгу.

Когда док Сезар вытянул меня с того света, я не сомневался, что моё время пришло. Наконец я отлично знал всё, о чём собирался написать. Испытал на собственной шкуре приключения, которых хватило бы на десятерых.

И, конечно, в первые дни меня очень вдохновлял Порт-Анри.

Порт-Анри – то самое тихое местечко, о котором мечтает всякий писатель. Писатель говорит себе: когда-нибудь я отправлюсь на славный экваториальный остров, где, сидя под пальмами и слушая крики чаек, сделаю буквами всё, что скопилось у меня в голове.

Ложь.

Никто не написал и никогда не напишет ничего толкового в таком месте, как Порт-Анри.

Я убийца, дезертир, никчёмный писатель, беглый каторжник.

Но худшего своего поступка я так и не совершил.

Семь лет – большой срок. С тех пор как пятнадцатилетним я покинул Иллинойс, я нигде не задерживался дольше, чем на три года.

Я несколько раз порывался уехать с Гуанакани. И без сомнений был готов расстаться с Валери. Когда она сказала, что беременна, я решил: пусть родит. Увижу своего сына и уеду с памятью о нём.

Но, взяв на руки маленького Никки, я понял, что никогда его не оставлю.

Валери открывает глаза.

Я говорю:

– Валери, помнишь, что сказал падре Анхель, когда мы с тобой венчались?

– Много чего сказал. Падре если уж начнёт говорить, так его не остановишь.

Ох, не с того я начал. Падре Анхель для Валери не авторитет. Старик любит заложить за воротник, но пить совсем не умеет. Нет лучше способа разочаровать женщину.

– Там было что-то из святого Петра, – говорю я. Уж если и святой Пётр для неё не авторитет, то конец моим планам.

Она смотрит в потолок, припоминая.

– Вы, мужья, обращайтесь благоразумно с жёнами. Каждый из вас пусть любит свою жену, как самого себя. Ты любишь меня, Джо Феллоу?

– Я люблю тебя, Валери. – Привычная ложь. Любовь – это только слова, а слова, как известно, придумали женщины. – Вспоминай ещё. Там что-то было про послушную жену.

– Жена пусть боится своего мужа и повинуется ему во всём, – хмурится Валери.

– Точно. Я никогда прежде не требовал от тебя таких жертв. Не требую и теперь. А прошу. Будь послушной женой и не задавай вопросов. Обещаешь?

Кивает. Уже лучше.

– Ты сейчас оденешься. Соберёшь Никки.

– Что-то случилось, – говорит она без вопросительной интонации.

– Когда будете готовы, мы все вместе пойдём в гости к господину Смиту. К Монти.

– Он противный.

– Это ненадолго. Потом вы с Никки отправитесь во Флориду на лодке.

– Без тебя?

Умная девочка.

– Я задержусь на день-другой, а потом догоню вас. – Эта ложь даётся мне почти без труда.

Глаза Валери делаются огромными. Я знаю, что она сейчас скажет. Когда два года назад я в очередной раз собрался покинуть Гуанахани – уже с Валери и сыном – и на английском лайнере добраться в Уэльс, где, говорят, нет лучших рекомендаций, чем каторжный срок, полученный от французов, Валери строго сказала: нет. Никаких морских путешествий, пока Нику не исполнится хотя бы десять лет. Уж она-то, Валери, прекрасно знает, зачем нужны дети на судах дальнего сообщения. На всяком лайнере есть специальный человек, который собирает в порту бездомных мальчишек, обещая им работу, еду и гамак. В океане живут голодные демоны – атланты, – требующие жертв от каждого корабля, который посмел собраться в рискованное путешествие на другой континент. Здесь маленькие цветные дети приходится очень кста-

ти. Их без жалости бросают в океан, пока на верхней палубе богатые европейцы танцуют под негритянскую музыку. Потом тела этих детей бродят по океанскому дну, ищут дорогу домой. И самое страшное: некоторые эту дорогу находят.

Я не хочу слушать эту историю снова, мне тошно от таких историй. Потому я спешу сказать:

– Вас повезёт Жозе.

Делаю паузу, но реакции нет. Лицо её как будто окаменело. Кажется, моя девочка поняла наконец, что дело серьёзное.

Порт-Анри просыпается рано. Утром город похож на яркую игрушку или картинку в детской книге. Низкие дома выкрашены во все цвета, какие только можно вообразить.

Проходим мимо парикмахерской, где я стригусь каждую неделю. Рауль отвлекается от клиента, чтобы нас поприветствовать. Вдоль витрины парикмахерской сидят старики на деревянных табуретках, в ожидании своей очереди обсуждают бейсбол. Прямо у дверей домов хозяева выставляют лотки, живописно раскладывают товар. В Порт-Анри все торгуют всем. Сушёные травы, камни всевозможных форм, фрукты, специи, фигурки зверей из цветной глины, баночки какие-то, горшочки, бутылки с заспиртованными ящерицами, чучела птиц, амулеты на все случаи жизни, сигары домашней работы, домашняя же кашаса. Когда наступит сiesta, торговцы разбредутся по своим патио, оставив товар

на улице.

Валери останавливается рядом с приветливой старушкой-негритой, выбирает синие бусы и принимается отчаянно торговаться. Я шепчу ей на ухо, что мы торопимся, но Валери лукаво отвечает:

– Вы, мужья, обращайтесь благоразумно с жёнами.

Пока я расплачиваюсь за бусы, Ник зачарованно изучает деревянные ножи, разложенные прямо на мостовой у ног торговца-сибонея. Покупаю ему нож. Думаю: будет память обо мне.

Обгоняем старого усатого зеленщика. Он катит тележку медленно, каждый шаг его словно отмерен заранее – чтобы сил хватило на весь долгий день. Отчаянно звеня, уже нас обгоняет юнец на велосипеде. Завидев Валери, он принимается красоваться, отпускает руль, лениво потягивается, сцепляет кисти рук в замок на затылке. Едва не врежется в столб.

Спрашиваю свежую газету в табачной лавке.

– Ещё не было, – отвечает торговец. – Ходит слух, король выбрал наследника. Про такое не всякими словами напишешь. Ответственный материал. Вот и тянут.

Оглядываюсь. Неужели за нами никто не следит? За нами непременно должны следить, иначе вся эта комедия лишена смысла. Замечаю смуглого морячка в синей форме, который подозрительно долго изучает собственное отражение в витрине. От этого занятия морячок не отвлекается, даже когда мимо него проходит стайка яванок в ярких воздушных наря-

дах, плохо скрывающих девичьи прелести. Не бывает такого, чтобы морячок не оглянулся на полуобнажённую девицу.

Всё в порядке, значит. Следят.

Сворачиваем к консульству, в старые испанские кварталы, построенные ещё при Кортесе, когда город звался Санта-Анной. Здесь тусклее цвета, строже линии. Мрачные стены как будто с осуждением смотрят на соседние улицы.

Валери с сыном устроились в патио, рассматривают атлас мира. Валери то и дело возмущённо охает.

Мы со Смитом сидим в библиотеке.

Смит нервно крутит ус и ужасно потеет.

– Скоро появится ваш человек?

– Скоро.

Когда я велел отрядить пехотинца в подземный ход, который ведёт к южным причалам прямо из подвала консульства, Монти едва не задохнулся от изумления.

– Откуда вы знаете про этот ход?

– Не смешите, Монти. Про этот ход знает весь город.

Жозе, который ещё утром отправился за лодкой, всё нет, и я начинаю волноваться, но не подаю вида.

Час назад к нам присоединился док Сезар. Зная, что старик будет беспокоиться, я позвонил ему от Монти. Док принёс целую корзину еды для Валери и Ника. А я даже не подумал об этом, идиот.

Наконец я слышу шаги на кухне. Появляется пехотинец,

который дежурил у пристани. За ним следом – Жозе.

Его рубашка в крови.

– Парень не хотел отдавать лодку, – поясняет Жозе. И добавляет, видя перекосившееся лицо Смита: – Спокойно, янки. Он в порядке. Будет жить, по крайней мере.

Пока Сезар обрабатывает рану Жозе, я отвожу Смита в сторону.

– Дайте хотя бы одного пехотинца, – говорю. – Сами видите, как он плох.

Но Смит неумолим.

– Никаких пехотинцев, Феллоу. Одно дело – принять в консульстве гражданина США и его семью, другое – оказывать помощь в похищении будущего короля Гуанакани. Чувствуете разницу?

Чёртов политик. Меня он, конечно, тоже не отпустит. Слишком сладка наживка, которую я ему вчера предложил.

Док Сезар говорит:

– Я поеду с ними.

Святой человек. В случае заварушки помощи от него будет мало, но всё равно мне становится легче.

Провожая их в подвал. Целую Валери и говорю, что всё будет хорошо. Обнимаю Ника.

Велю Смицу запереть все двери и строго наказать пехотинцам никого не пускать. Ни под каким предлогом.

С темнотой к Монти возвращается уверенность.

– Выпьете? – спрашивает он. – А я выпью. Кажется, все сроки прошли. Вас никто не ищет. Кроме разве что медицинских работников. До чего же бредовую историю вы придумали, Феллоу. Но я не в обиде. Я получил вас и прекрасный анекдот в коллекцию.

– Помолчите, – перебиваю.

Он умолкает, и в наступившей тишине мне кажется, что я слышу хрустящий звук шагов – будто кто-то идёт по битому стеклу.

Представьте, что вы на веранде пьёте чай с любимой тётушкой, когда внезапно понимаете, что на заднем дворе притаилась стая велоцирапторов. Никаких доказательств тому нет, кроме разве что странного свистящего звука, но почему это непременно должны быть велоцирапторы? Это ведь может быть кто угодно, например соседский мальчишка, который собрался наворовать яблок. Но, нет, вы совершенно точно знаете: велоцирапторы. Вы смотрите на свою тётушку и понимаете: она чувствует то же самое. Мир вокруг не изменился, у чая вкус всё тот же; остро пахнет осенью и палыми яблоками. Только велоцирапторы вот-вот появятся из-за угла.

Так и теперь. Вроде бы ничего не изменилось. Не погас – даже не мигнул – свет. Где-то на пальме ворчливо переговариваются вороны.

Но я понимаю: вот оно. Начинается.

Смит успешно справляется с ролью тётушки. Голова его

вжимается в плечи и дёргается, как у птицы.

Он быстро берёт себя в руки. Идёт к двери.

– Не вздумайте открыть дверь, Монти, – шепчу я.

– Ерунда, – отвечает Смит.

Он распахивает дверь и тотчас получает пулю в живот.

В библиотеку входят кайманы. В дверном проёме за их спинами вижу пехотинца с перерезанным горлом и очень удивлённым взглядом.

Дорога идёт в гору, а значит, меня везут в Цитадель.

Цитадель – наивысшая точка Гуанахани. Крепость, которую построил сразу после революции первый король Анри. Говорят, в фундамент Цитадели легло больше рабов, чем погибло в войне с французами. И всё равно портанрийцы гордятся этой крепостью.

Цитадель из моих снов – огромная чёрная клякса, внутри которой прячется паук.

За семь лет в Порт-Анри я так толком и не рассмотрел эту крепость. Снизу, из города, её почти не видно. Даже в самый ясный день небо отыскивает где-то облака, чтобы её укутать. А в те редкие дни, когда облаков нет, Цитадель сама успешно справляется с ролью облака. Стены её выкрашены в слепяще-белый цвет.

Грузовик трясёт на крупных булыжниках дороги, но мне это нипочём. Я думаю о маленьком Нике. Думаю о Валери. Через несколько часов они будут в Ки-Уэст.

Грузовик останавливается. Кайманы грубо вышвыривают меня наружу, и я ударяюсь о камни, раздираю колени и ладони в кровь. Ничего. Ерунда по сравнению с тем, что меня ждёт – вероятно, расстрел. Удивительно: мне совсем не страшно.

Оглядываюсь. Вблизи крепость не такая уж и белая. Камни укутаны красным мхом. Стены высотой в три человеческих роста. Сбежать отсюда было бы нелегко. Хорошо, что бежать я не собираюсь.

Деревянная койка. Каменные стены. Мох осыпается пылью от малейшего прикосновения. Узкое окно-бойница под потолком. Если встать на цыпочки, можно разглядеть в свете факелов сапоги часовых-кайманов.

Эта темница не худшее, что со мной случилось. По крайней мере здесь сухо и нет мокриц.

С тихим скрипом открывается дверь за моей спиной. Я не спешу оборачиваться. Нужно сохранять достоинство.

– Оставьте нас. Я хочу поговорить с ним наедине.

Голос женский, это интригует. Оборачиваюсь.

Она одета в тёмное строгое платье, закрытое до самой шеи. Таких теперь и старухи не носят. Поверх платья – деревянный крест на кожаном шнурке. Руки в перчатках. Керосиновую лампу она ставит прямо на койку. Она похожа на мою Валери, но старше лет на пятнадцать. Кожа цвета какао с молоком, синие азиатские глаза, чёрные, как чернила,

волосы. Женщины Порт-Анри очень красивы. Солнце, смешанное со специями, морской солью и чистотой неба. Этот остров собрал всё лучшее от разных народов и щедро одарил своих дочерей.

Существует только одна женщина, для которой открыты все двери в этой крепости. Камилла. Ками, как нежно зовут её портанрийцы. Дочь старого короля Анри, который умер шесть лет назад. Мать нынешнего короля Анри.

Я сажусь на койку. Когда ещё выпадет случай так дерзко нарушить этикет? Мелкое хулиганство, мальчишество.

Она молчит. Я не тороплю её. Может, она хочет посмотреть на человека, который добровольно отказался от трона для своего сына? Кто угадает, что в голове у женщины?

– Ты знаешь, что такое Сек?

Вопрос застаёт меня врасплох, но я не показываю своего удивления. Пожимаю плечами.

– Сезар рассказывал.

Она хмурится при упоминании этого имени. Гнев? Презрение?

– Ты знаешь слово, но смысл от тебя ускользает.

– Я не верю в загробную жизнь.

– Сек – не загробный мир, мистер Феллоу. Сек – это как закрытая комната, в который ты раз за разом переживаешь самые страшные мгновения своей жизни.

Что в моей жизни было страшного? Карцер с мокрицами? Лодка с мертвецами? Битва при Сомме? Миг, когда мой нож

вошёл прямо в сердце сенаторскому сынишке?

– Если есть ад, все мы когда-нибудь туда попадём. Не видел ещё ни одного человека, дожившего без греха хотя бы до совершеннолетия.

– Моему сыну было семь лет, когда старый Анри решил, что пришла пора начать новую жизнь. Как считаешь, много он успел нагрешить?

Я не знаю, что ей ответить. Сейчас, когда Жозе благополучно увёз Валери и Ника, мне всё это кажется наваждением. Даже воспоминание о смерти консула Смита вызывает сомнения. Может, я просто сошёл с ума.

– Ты напрасно думаешь, будто твоя семья в безопасности. Никто не покидает этот город без ведома Анри. Всё и всегда происходит по его плану. Всё и всегда. Если он решил забрать тело твоего сына, он так и сделает. Ты не сможешь ему помешать. И душа твоего мальчика отправится в Сек. Вслед за душами остальных. Они будут блуждать по этому кругу вечно. Подумай об этом, каторжник. Вечность – это хуже, чем смерть.

Да чтоб тебя, думаю. Слово в слово как рассказывал Сезар. Что если они просто сговорились? Обвели доверчивого гринго вокруг пальца, навешали лапши... Неужели всё дело в троне? Уж не хочет ли она стать королевой после смерти сына? Уговорила доктора напустить туману, и вопрос решён.

Я едва не бью себя по лбу. Такой простой ответ. Бритва, мать его, Оккама. Всё сходится, даже задержка утренних га-

зет. Мысли о кошмарах и нелепой смерти Монти Смита гоню прочь.

Пусть это окажется обычной дворцовой интригой. Я буду просто счастлив.

– Зачем ты пришла? – спрашиваю, подгоняя раздражения в голос.

Ками затравленно оглядывается на дверь, точно слышит какой-то шум. Ничего там нет, женщина. Никому мы с тобой не нужны. Она подходит ближе, шепчет торопливо:

– Я никогда не любила отца. Его трудно любить. Всё равно что любить эту крепость. Со всем её мраком и гнилью. Но я была послушной дочерью. Я родила ему наследника. Если бы я тогда знала, что он задумал, я убила бы сына своими руками. Ты веришь мне?

Она спрашивает, но ответа не ждёт. От неё и пахнет так же, как от Валери. Ванилью и корицей.

– Он сам признался мне во всём после коронации. Тщеславие, мистер Феллоу. Он искал во мне свидетеля. Того, кто оценит его величие. Его раздражает, что все вокруг видят в нём обыкновенного ребёнка. Ему нужен страх. Он приходил ко мне и подробно рассказывал о каждом, кого отправил в Сек. Он говорил, что вторжение в чужое тело сродни насилию над женщиной. Он говорил это голосом семилетнего ребёнка, глядя на меня чистыми глазами моего сына. Ты можешь себе такое вообразить?

Что ж, сыграем в эту игру.

– Почему ты не убила его? Это несложно, особенно теперь, когда болезнь сделала за тебя половину работы.

– Он запретил. – Она говорит это с горькой усмешкой. – Его власть бесконечна. Ты убьёшь родную мать, если он прикажет.

– Ты могла бы рассказать кому-нибудь. Как сейчас рассказываешь мне.

– Он запретил говорить об этом за стенами Цитадели. Оставил себе возможность поразвлечься. Из-за меня погибли трое. Он заставил молодого каймана, очень набожного католика, вскрыть себе вены. Ещё одному запретил пить. На несколько дней запер меня с ним в комнате, где всюду стояли кувшины с водой.

– Что стало с третьим?

Зачем я спрашиваю? Я не хочу этого знать. Это не может быть правдой. Это только фантазия безумной женщины.

– Третьего он убил моей рукой.

Ками говорит это сухо, буднично. Ни капли эмоций.

Она осторожно снимает с себя крест.

– Не двигайся, – говорит. – Замри. Он не запрещал мне приходить к тебе. Не запрещал дарить тебе подарки. Наклоняй голову.

Я слушаюсь. Давно научился не перечить безумцам. Ками надевает шнурок с крестом мне на шею. Шёлк её перчаток щекочет мои уши.

Она крепко берёт меня за запястья. Наклоняется к моему

уху. Шепчет:

– Не вздумай прикасаться к кресту, если не хочешь умереть прямо сейчас.

– Снова магия?

– Нет, глупый янки. Всего лишь яд. Если попадёт в кровь, убьёт за несколько секунд. Взрослого или ребёнка. Подумай об этом, мистер Феллоу. Подумай как следует. Ты ни за что не сможешь убить Анри. Но, если ты убьёшь своего сына, Анри останется в нынешнем теле. И умрёт. Если это случится, они будут свободны, понимаешь? Все его прошлые жертвы освободятся. А он отправится на их место.

– Не шути со мной, женщина. Я не стану убивать своего сына.

Она внимательно смотрит мне в глаза, точно пытается разглядеть за ними содержимое головы. Я знаю этот взгляд. Я и сам так смотрю на людей.

Читай, женщина. Мне нечего скрывать.

Она отпускает мои запястья. Говорит с сожалением:

– Нет, ты не станешь.

И через мгновение её уже нет. Только скрипит замок на двери. Порт-анрийские женщины всё равно что тропические ночи. Появляются, когда меньше всего ждёшь. Исчезают раньше, чем ты успеешь их понять.

Я мотаю головой. Может, она и не приходила? Машинально тянусь к кресту и тотчас отдёргиваю руку.

Я неплохо ориентируюсь во времени, когда трезв. Этому научил меня Адский остров. Время можно измерять дыханием, сердцем, шагами часовых.

Дверь снова открывается через полтора часа после ухода Ками.

Хмурый кайман говорит, чтобы я шёл за ним.

Мы долго плутаем по коридорам, спускаемся по лестницам вниз, снова поднимаемся. Эту крепость строил безумец.

Я почему-то уверен, что сейчас увижу короля. Газетчики описывают его как доброго ребёнка. Очень вежливого и предупредительного. Наверняка Анри мягко поинтересуется, зачем я устроил всю эту чехарду с похищением сына. Представления, не имею, что я ему отвечу. Чувствую себя полным идиотом, если честно. Гораздо хуже, чем в тот вечер, когда ажаны обвинили меня в убийстве старика, а я мямлил им что-то про роман и вдохновение.

Мы пришли. Комната не очень-то похожа на детскую, а ещё меньше – на королевскую приёмную. Низкая люстра с дюжиной свечей едва освещает центр комнаты. Потолок и углы тонут во тьме. Пустота. Гулкое эхо наших шагов.

Кайман толкает меня в спину, так что я помимо воли выхожу в круг света. Сам он остаётся у двери.

Из темноты навстречу мне двигается невысокий силуэт. Мальчик в инвалидном кресле. Король Анри IX.

Портанрийцы восхищаются своим королём. Ему было всего семь, когда умер старый Анри. Но смерть деда и груз

ответственности заставили мальчика повзрослеть раньше срока. Так говорят.

Я понимаю, почему на всех официальных портретах Анри IX – пухлощёкий малыш не старше восьми лет. Болезнь превратила его в настоящий скелет. Смуглая кожа приобрела зеленоватый оттенок. Глаза глубоко запали.

На мгновение мне кажется, что передо мной не ребёнок, а древний старик.

– Спасибо, Хорхе. Ты можешь идти.

Голос слабый, глухой. Совсем мальчишеский. Но я слышу в нём чистую, неразбавленную власть.

Когда Хорхе выходит и прикрывает за собой тяжёлую дубовую дверь, Анри говорит:

– Кайманы преданы мне, но они как дети. Никогда не рассказывай детям всей правды, Джо. Детские души так хрупки.

Колёса его инвалидного кресла издают едва слышный скрежет. Я узнаю этот звук. Я слышал его в своих снах.

Он совсем близко. И я понимаю, что пропал.

Я верю. Верю каждому слову, которое сказал Сезар. Верю каждому слову, которое сказала Ками.

Я мог бы убить его прямо сейчас. Но Анри говорит:

– Оставайся на месте.

И я чувствую, как мои ноги наливаются свинцом.

Анри улыбается – очень обаятельно, совсем по-детски.

Глаза у него синие. Такие же, как у Валери. Такие же, как у моего сына.

Я не хочу смотреть в эти глаза, но отвернуться не могу. Точно кто-то огромной рукой держит меня за затылок, заставляя смотреть. Точно я падаю в бездну. Никак не может быть таких глаз у двенадцатилетнего мальчишки. Даже у столетнего старика не бывает таких глаз. Я вижу в них череду веков.

– Ты напрасно устроил это представление в консульстве. Смерть Смита на твоей совести. Подойди к окну, Джо. Выгляни.

В ворота въезжает открытый внедорожник «Темпо». Из него выбираются Валери, Сезар и двое кайманов. У одного из кайманов спит на руках мой сын.

– Никто не покидает Порт-Анри без моего ведома, Джо. Значит, всё было напрасно.

– О нет, дорогой Джо. Не напрасно. Очень даже не напрасно. Мой план сработал, как, впрочем, это бывает всегда. Видишь ли, Джо. Мне ни к чему сейчас твой сын. Я слишком утомился быть ребёнком. Снова стать пятилетним? Увольте. Пусть подрастёт сперва. А пока я побуду тобой. Отцом короля. Таков был план, Джо. Мне нужна была от тебя только вера. И доктор Сезар, человек бесценный во всех смыслах, виртуозно обеспечил мне её.

Входят кайманы и Сезар. Следом – Валери. Ведёт за руку проснувшегося Никки.

Валери подбегает ко мне, не обращая ни малейшего внимания на короля. Хочет обнять, но я ловлю её за плечи. Це-

лую в лоб.

– Они убили Жозе, – шепчет Валери. – Он прострелил одному кайману ногу, но их было слишком много. Они перерезали ему горло и сбросили в воду. Акулам. Плохая смерть.

Плохой человек умер плохой смертью ради женщины, которая его не любит. Если и правда есть какой-то суд, надеюсь, этот поступок перевесит многое.

– Мне кажется, – слышу ласковый голос Анри, – твоим жене и сыну нужно отдохнуть с дороги. Что скажешь, Джо? Вы увидите очень скоро. Всё будет в порядке.

– Иди с кайманами, Валери. – Ловлю рукой её ладонь. – Я тебя люблю. И Ника. Люблю вас обоих.

Кажется, я впервые не лгу.

– Вера – забавная штука, – говорит Анри, когда они уходят. – Если бы ты не верил в мои силы, я никак не смог бы помешать тебе меня убить. Ты слышал, как умер президент Гардинг? Это была мучительная смерть. Гардинг совершил две большие ошибки. Первая – он никак не хотел оставить в покое Гуанакани. Вы, янки, очень любите прибирать к рукам чужое добро. Впрочем, ты это знаешь лучше других, вор. Знаешь, какая была вторая ошибка? Он поверил. Поверил, что его смерть – в моей власти. А значит, это стало правдой. Зато теперь у меня нет проблем с Америкой. Преемники Гардинга слишком хорошо помнят, что случается с непослушными президентами.

Мне плевать на президента Гардинга. Я смотрю на Сезара,

который сосредоточенно роется в своём медицинском сак-
вояже. Пытаюсь понять: откуда эта невозмутимость? Подчи-
няется ли он приказам Анри или помогает ему по собствен-
ной воле?

– Слушай внимательно, Джо. Это приказ, – говорит Ан-
ри. – Подойди ближе. И смотри на меня.

Ноги мои помимо воли делают несколько шагов, голова
поворачивается. Пытаюсь зажмуриться – без толку. Он про-
должает:

– Знаешь, зачем я велел показать тебе жену и сына, Джо?
Я хочу быть уверен, что в последний момент ты не выкинешь
какую-нибудь штуку. Хочу быть уверен, что ты вступишь ме-
ня добровольно. Я не могу приказать. Это будет принужде-
нием. Поэтому ты уж как-нибудь сам. Ужасно не люблю, ко-
гда начинают сопротивляться. Глупцы. Меня не остановить.
Я разнесу любую дверь в щепки, если придётся. Тебе случа-
лось выбивать дверь, Джо? Это немного больно. И ещё это
чувство – будто тебя не уважают. Не подготовились к твое-
му приходу. Не прибрались. Кричат, нервничают. Потом ещё
сам порядок наводи. Кровь отмывай. Дверь ставь на место.
Не нужно этого, Джо. Нельзя так с гостями. Потому мне так
нравятся дети. Они такие доверчивые. Такие славные. Их
легче обмануть. Но с тобой я буду честен, Джо. Сейчас наш
дорогой доктор выполнит нужные процедуры, и ты будешь
послушным мальчиком. Ты откроешь дверь, вступишь ме-
ня, а сам отправишь в Сек. Доктор рассказал тебе про Сек?

Врать не буду: тебе там не понравится. Ты просто помни о жене и сыне. Им здесь может быть гораздо хуже. Ты понял меня, Джо? Кивни, если понял.

Киваю.

Сезар берёт изогнутый нож, подходит к королю.

Анри наклоняет голову вперёд. Доктор делает надрез чуть ниже затылка, по линии роста волос. Затем достаёт шприц и ловко, в три движения, набирает в него кровь Анри из вены.

Идёт ко мне. Кровь из шприца капает на пол. Я безропотно позволяю Сезару провести лезвием по моей шее.

Думаю: интересно, что станет с телом ребёнка в инвалидной коляске, когда дух Анри покинет его, чтобы занять моё тело?

Анри как будто читает мысли.

– Не переживай, – говорит. – До коронации доживёт. Как и консул Смит, между прочим. Слышал о петухах, которые кажутся живыми, даже если отрубить им головы? Бегают. Волнуются. Ни за что не догадаешься, что они мертвы. Люди мало отличаются от петухов. Если знать пару трюков. Сезар, оставь нас.

Сезар пятится к двери.

– Вот и всё, – говорит Анри. – Жди меня, Джо. Я скоро.

Глаза его стекленеют. Голова безвольно падает на грудь, а потом медленно всё тело мальчика заваливается вперёд. И вот он уже на полу, без сознания.

Больше ничего не происходит.

Кроме паука, который выбирается из надреза на затылке Анри. Этого никак не может быть. Пауки не живут в человеческих затылках. Но вот он, передо мной. Спускается на каменный пол и бежит напрямик ко мне по кровавому следу, который устроил для него доктор. Кажется, мне достаточно сейчас просто отойти на пару шагов, и паук ни за что меня не найдёт. Вот только Анри запретил мне сходить с места.

Это ничего. У меня есть кое-что получше бегства.

Паук прыгает мне на штанину, ловко взбирается по спине. Чувствую его холодные лапы на своём затылке.

Пора.

Сжимаю в руках крест, подаренный королевой Ками. Надеюсь, дорогая, твой яд по-настоящему хорош.

Я выбрал самую нелепую смерть из всех, что подстерегали меня.

Я мог бы умереть от удара ножом в сердце.

Мог погибнуть в битве при Сомме от немецкой пули.

Сгинуть в карцере Адского острова.

Утонуть в невероятном атлантическом шторме.

Последняя мысль: кто знает, может, так оно и было. Может, я умер давным-давно.

Крозельчикюс

1

Наконец Крозельчикюс купил новейший гелиофор.

Крозельчикюс был равнодушен к искусству. И в особенности – к искусству гелиографии. Но у него был план, в котором покупка гелиофора значилась третьим пунктом. И Крозельчикюс строго придерживался этого плана.

Гелиофор привезли в воскресенье вечером техники Штайнграу, которых сопровождал хвост с оружием. Хвост – невысокий, не слишком опрятный тип с крысиным лицом – придирчиво изучил дом Крозельчикюса, самого Крозельчикюса и его разрешительные бумаги. С особым недоверием хвост обнюхал патент – свеженький, пахнущий лаком и буквами.

– Теперь вы в сером списке, Крозельчикюс, – сказал хвост, протягивая ключ на латунной цепочке. – Ведите себя хорошо. И будьте бдительны.

Крозельчикюс не стал отвечать.

Пока он подписывал бумаги – накладные, договор и уведомление об ответственности, – хвост устроился рядом с радиоприёмником и принялся крутить ручку настройки.

«...поздних работ Нисефора Ниепце... управления, пан

Бодани заявил... согласно закону... расколется легче стекла... смертная казнь...»

Крозельчикюс отдал бумаги экспедитору, решительно выключил радиоприёмник. Хвост широко улыбнулся и, не сказав ни слова, вышел прочь. Вслед за ним покинули дом экспедиторы. Оставив у двери небольшой ящик с гелиофором.

Крозельчикюс оглядел комнату – убедился, что линии всё так же параллельны и все вещи занимают строго отведённые им места, не двигаются и молчат; слегка прикрутил керосинку. Лампа недовольно зашипела и в знак протеста забрызгала стол керосином. Крозельчикюс проигнорировал этот её жест. Плотнo задёрнул шторы. Прислушался. Из-за окна доносилось равномерное жужжание гидравлической машины.

Гелиофор был что надо. С кассетой на двенадцать пластин. С объективом от Герца. В собранном виде он представлял собой строгий чемоданчик, обитый чёрной кожей, с металлическими рычагами по бокам и крепким замком, ключ от которого оставил хвост. Такой передовой гелиофор Крозельчикюс видел вблизи впервые. Весь курс обучения в школе гелиографии Крозельчикюс, как и его сокурсники, прошёл в теории. К теории прилагались деревянные макеты современных гелиофоров, так что Крозельчикюс знал, как обращаться с любым из них. Кроме того, он был хорошо знаком с моделями, устаревшими настолько, чтобы попасть в музей.

Крозельчикюс осторожно поставил гелиофор на стол, отпер замок и откинул переднюю панель. Со щелчком выдвиги-

нулся объектив, растянулась гармошка меха. Крозельчикюс затаил дыхание. Неожиданно он осознал, что не только ради результата, но и ради процесса не терпится ему сделать первый снимок. Патента на съёмки при искусственном освещении у Крозельчикюса, разумеется, не было – лишние расходы, а в перспективе – больше внимания со стороны серых. Потому следовало дожидаться утра.

Крозельчикюс захлопнул переднюю панель, запер аппарат и убрал его в нижний ящик бюро.

Уже в спальне он достал из упаковки один порошок люминала, высыпал содержимое в стакан воды и выпил. Заснуть самостоятельно, зная, что в соседней комнате ждёт своего часа новенький гелиофор, Крозельчикюс вряд ли смог бы. С некоторых пор он стал плохо спать: засыпал долго, просыпался часто, но хуже всего были сновидения – яркие, красочные, тревожные. Просыпаясь, Крозельчикюс помнил их в мельчайших подробностях – известный признак душевного нездоровья.

Он успел подготовить воду и приборы для утреннего туалета, равнодушно полистать старый альманах и в сто двадцать третий раз детально обдумать свой план завоевания Агаты, прежде чем сон оглушил его.

Этой ночью снились Крозельчикюсу волки цвета грозового неба. Они были совсем рядом, дышали Крозельчикюсу в спину и шептали страшные слова.

Крозельчикюс проснулся ровно в восемь. Умылся, побрился. Надел свежее бельё, новый клетчатый костюм, чёрно-белые оксфорды и круглые очки. Этого дня он ждал почти вечность. И спланировал его по минутам.

Не завтракать. Взять гелиофор. Покинуть дом, пересечь улицу, свернуть на Плахты и пройти полквартила – до кафе «Зарадли». Устроиться на веранде, в углу. Гелиофор небрежно поставить на стол. Агата появится как раз в тот момент, когда Крозельчикюс, откушав кофею, примется выбрать ракурс для гелиосъёмки. И...

Четвёртый шаг его плана. Первые три – обучение в школе гелиографии, получение патента и покупка гелиофора – были выполнены строго по графику, назначенному полгода назад. График этот представлялся Крозельчикюсу соломинкой, хрупкой и ненадёжной. Единственной опорой в бушующем океане, каким обернулась вдруг окружающая реальность.

Это случилось в мае: спокойная, прилично-монохромная жизнь Крозельчикюса взорвалась неожиданным фейерверком и рассыпалась безумной мозаикой, которую Крозельчикюсу так и не удалось собрать воедино. С тех пор Крозельчикюс мог держаться на поверхности серой обыденности, только неукоснительно следуя плану.

Крозельчикюс взял с каминной полки толстый справочник Нисефора Ниепце, содержащий таблицы разрешённых фокусных расстояний и формулы построения композиции. Крозельчикюс знал этот справочник наизусть, но полагал, что, листая его, будет выглядеть более авантажно.

Убирая справочник в наплечную сумку, Крозельчикюс заметил странное: миниатюрные фарфоровые бинтуронги на каминной полке, амаиантовые в чёрную полосу, не стояли ровно, как обычно, а выстроились в подозрительную синусоиду. Это был плохой признак. Бинтуронги нервничали.

Крозельчикюс медленно обернулся к бюро, заранее испытывая нехорошее предчувствие.

Нижний ящик бюро был выдвинут примерно на полтора сантиметра.

В три шага Крозельчикюс пересёк комнату, но внутренне он преодолел куда более внушительное расстояние. Мысли его зигзагами метались от надежды к отчаянью, и семнадцать раз Крозельчикюс успел подумать, что, может, он сам вчера не до конца задвинул ящик, и шестнадцать раз успел решительно отместить такую возможность.

В семнадцатый раз ответ ему дала реальность: гелиофора в ящике не было.

3

В мрачную обволакивающую апатию Крозельчикюс впал

ещё до прихода полиции. Он сел на краешек стула, упёрся ладонями в колени и так просидел двенадцать минут. Стрелка настенных часов двигалась то рывками, то черепашьей развалкой. И в эти двенадцать минут вечности Крозельчикюс успел двести тридцать шесть раз обдумать произошедшее и пятьдесят восемь раз в деталях припомнить вчерашний вечер.

Инспектор, явившийся в сопровождении двух хвостов, представился именем Зайнике. Был он невозмутим, курил трубку, руки прятал в карманах полосатого пальто. Хвосты осмотрели квартиру, обнюхали стены и пол, а внимательно все же – входную дверь. После чего Зайнике выставил их на улицу.

Крозельчикюс не сводил взгляда с инспектора. Зайнике неспешно прошёлся по комнате, посмотрел на бинтуронгов, изучил коллекцию гелиографий над камином. Спокойный и внушительный, он напомнил Крозельчикюсу индийского эфанта.

– Видите ли, Крозельчикюс, какая проблема. *Problème*, как говорится, *du siècle*. Следов взлома – нет. Вы, Крозельчикюс, понимаете, что это значит?

Инспектор устроился рядом с Крозельчикюсом, выложил на стол карандаш и толстый блокнот в переплёте цвета испуганной мыши.

Крозельчикюс не стал отвечать, хотя прекрасно понял намёк Зайнике. Неуверенные в себе люди обыкновенно очень

страшатся подобных обстоятельств, и Крозельчикюс не был исключением. Заранее, ещё до появления инспектора, он вообразил, что его непременно сочтут виновным. Крозельчикюс мысленно перебирал возможные ответные реплики. Но все они были фальшивы и нелепы.

Инспектор внимательно посмотрел на Крозельчикюса, оценил, по всей видимости, его внутреннее состояние и сочувственно покачал головой, послунывил карандаш, сделал какую-то пометку в блокноте.

– По моей информации, ваш близкий знакомый, Виташ Бодани, – активист «Спектрума». Это правда? – невпопад спросил Зайнике, оглянувшись в поисках пепельницы и, не найдя её, достал из кармана платок.

– Я н-не... Чёрт возьми, когда вы успели пересчитать моих знакомых? – вскинул брови Крозельчикюс.

– Не будьте ребёнком. Вы в сером списке Штайнграу, и это значит – нам известно о вас всё.

Крозельчикюс поспешно опустил взгляд и принялся изучать старый потрескавшийся паркет. Раньше он не замечал этих трещин, но теперь в их сплетениях виделись Крозельчикюсу диковинные картины. Вряд ли в Штайнграу действительно знали о нём всё. Тогда бы не было этой дружелюбной беседы, как и повода для неё, а Крозельчикюс давно и надёжно обосновался бы в Богнице, в окружении молчаливых серых стен.

– Вы подписывали уведомление, Крозельчикюс. Преду-

преждены о последствиях. Гелиофор исчез – это же не кот чихнул.

Крозельчикюс с подозрением покосился на Зайнике. Восьмисекундный «Чихающий кот» был одним из самых популярных фильмов, снятых для запрещённого теперь эдисонова кинетоскопа.

Зайнике аккуратно высыпал на платок содержимое трубки, для верности постучал трубкой по столу, держа её за мундштук. Свернул платок, убрал в карман и принялся набивать табачную камеру новой порцией табака из гридеперлевого кисета.

Крозельчикюс коротко глянул на трубку – цвета весенней зелени, новенькую, блестящую, удивительно контрастирующую с соловьиным костюмом инспектора – и тотчас отвёл взгляд.

– Не одобряете табакокурение? – понимающе хмыкнул Зайнике, но трубку не убрал.

Крозельчикюс вскочил, нервно прошёлся по комнате и сел на краешек стула в той же позе. Он хотел снять очки, но не смог: руки его мелко дрожали, и, только уперев их в колени, Крозельчикюс кое-как унял дрожь.

– Между тем, – продолжал Зайнике, – я вижу, что человек вы хороший. Ну, оступились разок – с кем не бывает? Вы симпатичны мне, Крозельчикюс, потому я пойду вам навстречу.

Крозельчикюс с робкой надеждой посмотрел на инспек-

тора. Тот продолжил:

– Я дам вам сутки, Крозельчикюс. Мне всё равно, как и где вы найдёте свой гелиофор. Достанете из-под дивана, куда спрятали в надежде на страховку. Заберёте у перекупщика, которому отдали, чтобы загнать подороже на чёрном рынке. Мне всё равно. Главное – верните его. Иначе ваше дело уйдёт к серым. Завтра же. А вы... – тут Зайнике красноречивым жестом показал, что случится с Крозельчикюсом.

– Но послушайте, – начал было Крозельчикюс, который теперь только понял, к чему ведёт инспектор. – Я не...

– Все так говорят, Крозельчикюс. У меня двадцать три дела в год о краже и утере гелиофоров. Из этих двадцати трёх – одно дело оказывается настоящим грабежом, но это сразу ясно: хозяина в таких случаях непременно убивают. Насмерть, да. Двадцать же потерпевших – такие, как вы, – за сутки находят пропажу в самых неожиданных местах.

– А ещё двое?

– Эти упорствуют. И отправляются в распоряжение серых.

4

Пора уже рассказать, как выглядит Крозельчикюс. Не станем прибегать к пошлым приёмам вроде пересказа отражения в зеркале или витрине. Просто вообразите: навстречу вам идёт среднего роста гражданин. Среднего же телосложения и возраста. Как ни стараетесь, вы не можете найти

в его образе ничего примечательного. Белоснежная рубашка застёгнута на все пуговицы, туго затянут тёмный галстук. Причёска – аккуратная, с пробором, очки – круглые. Руки Крозельчикюс держит вдоль тела, словно боится ими размахивать. Даже одетый в самый лучший свой клетчатый костюм Крозельчикюс не заставит ваш взгляд задержаться. Вы не просто забудете о нём через минуту – вы никогда не заметите его, если только он не заговорит с вами первый.

Крозельчикюс шёл по улице Йиндржиха Плахты – одинокий и ничтожный, как человек-невидимка. Мир сейчас виделся ему чёрной пустотой, в которой существовали три человека и один предмет.

Первым человеком был сам Крозельчикюс. Но не он был центром воображаемого чёрного мира. Там, в центре, разместился бы гелиофор, если бы его не украли, теперь же это место занял холодный сквозняк. Где-то в черноте слева и немного позади прятался образ инспектора Зайнике – воплотивший в себе Закон и Наказание. Где-то в черноте впереди и чуть справа скрылся неизвестный вор с гелиофором под мышкой. Едва Крозельчикюс вспоминал о нём, тотчас непроизвольно начинал осыпать воображаемого вора проклятиями. Мысленно, разумеется. Внешне Крозельчикюс никак не менялся. Даже в крайней точке эмоционального возбуждения он не становился интересным или хотя бы заметным.

Родной город сделался похожим на лабиринт, предназна-

ченный для испытания лабораторных крыс. Мир рушился, и плана на такой случай у Крозельчикюса не было.

Всегда, сколько себя помнил, Крозельчикюс жил по плану. Сперва план этот был в ведении его матушки – женщины суровой, практического склада. После смерти матушки Крозельчикюс взялся планировать будущее самостоятельно, и только счастливая эта привычка выручила Крозельчикюса полгода назад, когда неожиданная находка перевернула его жизнь.

Теперь несложный механизм Крозельчикюса работал по инерции; пока мысленно он переживал аффективную бурю, ноги сами выбирали дорогу, выполняя старый, ненужный уже план – за неимением нового.

Ровно в десять утра Крозельчикюс поднялся по деревянным ступенькам в «Зарадли» – уютное кафе на Плахты, с бланжевыми скатертями на столах веранды и полосатым тентом над витринами, украшенными цитатами из меню.

За угловым столиком, где обычно по утрам сидела Агата, теперь было пусто.

Агата! Необыкновенная девушка. Тончайшей эмоциональной организации – что в деталях отражалось на её одухотворённом лице. Загадочная улыбка полных губ манила Крозельчикюса и обещала ему покой и понимание. Глаза светились мудростью и нежностью. Если бы только Агата оценила его, Крозельчикюса, по достоинству. Если бы только...

Но Крозельчикюс самым бездарным образом упустил

единственный шанс привлечь внимание Агаты.

Не зная, как с этим жить, Крозельчикюс заказал крем-карамель и кофе. Он не очень хорошо понимал, зачем явился сюда сейчас, когда жизнь, похоже, стремительно неслась под откос. Крозельчикюс не представлял, где искать гелиофор. Всё, что он мог противопоставить свалившемуся на него несчастью, – это давление в груди, спазм в горле и тремор в руках.

Октябрь в этом году выдался удивительно тёплым, но Крозельчикюс почувствовал, что замёрз.

Принесли кофе, и Крозельчикюс, прикусив губу, заставил дрожащую руку взять чашку.

– Не возражаете, пан Крозельчикюс? – пропел над ухом мелодичный знакомый голос. Это была Агата. Увидев её, Крозельчикюс неловко вскочил, едва не расплескав кофе на рубашку.

– Конечно, панна Агата, почту за честь.

Глаза Агаты были удивительного цвета – точь-в-точь как прозрачное осеннее небо. И вместе с небом они были богатством, о ценности которого не подозревал никто, даже сама Агата. Только Крозельчикюс мог наслаждаться этой красотой.

– Я почему-то знала, что сегодня встречу вас, пан Крозельчикюс, – с лукавой улыбкой сказала Агата. – Такой хороший день!

И от этих слов сердце Крозельчикюса вспыхнуло тёплым

огненным цветком – Крозельчикюс согрелся в одно мгновение, и руки его перестали дрожать. И побледнели мысли о пропавшем гелиофоре и завтрашнем аресте.

И правда, – подумал Крозельчикюс, – такой хороший день!

Агата была девушкой Виташа Бодани, школьного товарища Крозельчикюса. Но однажды она по секрету призналась Крозельчикюсу, что по-настоящему влюбиться сможет только в гелиографиста.

Агата обожала гелиографию. С самым серьёзным видом рассуждала она о достоинствах и недостатках классических композиций и ракурсов, о выборе фокусного расстояния и выдержки, настройке экспозиции. Эти рассуждения её были очаровательно глупы. И в них было столько жизни!

Крозельчикюс не любил гелиографию, но ему нравились гелиофоры и история. Этот маленький парадокс пятнадцать лет назад привёл Крозельчикюса в музей «Дом Нисефора», где он сделал головокружительную карьеру смотрителя архива.

Агата с неподдельным интересом расспрашивала о Нисефоре Ниепце и его опытах, приведших к созданию гелиофора. Крозельчикюс мог рассказать многое: о мучительном поиске гелиораствора; о легендарной первой гелиографии, которая бесследно исчезла вскоре после создания; о передвижных выставках гелиографистов; о Мёренской ярмарке и истоках жёсткого контроля за гелиоискусством...

Ничего этого Крозельчикюс Агате не рассказывал. Когда девушка появлялась рядом, он терял способность выражать свои мысли связно. Да и сами мысли его теряли способность двигаться в нужном направлении. Крозельчикюсу хотелось провалиться под землю от нелепости каждой фразы.

Сделав большой глоток кофею, Крозельчикюс сказал буднично:

– Вообразите, у меня похитили гелиофор.

Агата ахнула. Невольно Крозельчикюс выпрямил спину. Трагическое событие обернулось вдруг поводом для гордости.

– Вероятно, отправлюсь завтра в Штайнграу, – продолжал Крозельчикюс равнодушным тоном. И добавил с улыбкой: – Вы очень рискуете, панна Агата, общаясь теперь с опасным преступником.

Сегодняшний стресс словно что-то сдвинул в Крозельчикюсе. Он совершенно не заикался и сам себе казался интересным и значительным.

– Вам непременно надо всё-всё рассказать Виташу, – уверенно сказала Агата. – Он поможет. Виташ такой славный. Всем помогает. Очень люблю его за это.

Крозельчикюс ревниво нахмурился, слыша такие слова. Но спорить не стал.

Квартира Виташа Бодани занимала последний этаж и мансарду самого высокого здания площади Верхнего рынка.

Виташ был младше Крозельчикюса на пару лет. В школе они не особо приятельствовали, да и теперь их странные отношения держались, кажется, исключительно на интересе Агаты к гелиографии. Собственно, всех отношений – редкие встречи в «Зарадли». Виташ обычно бывал доброжелателен, внимательно выслушивал сбивчивые рассказы о малоизвестных документах, найденных в архиве «Дома Нисефора», непринуждённо шутил и как будто не замечал неуместности Крозельчикюса в их маленьком кружке.

Крозельчикюс полагал Виташа типичным представителем золотой молодёжи – бестолковым и инертным; единственным его достижением было удачно родиться. Этого могло хватить, чтобы спасти невинного человека из лап Штайнграу, но Крозельчикюс сомневался, что Виташ возьмётся ему помочь. Крозельчикюс пришёл сюда только ради Агаты – быть может, сегодня он видел её в последний раз.

Но теперь, разглядывая дорого и безвкусно обставленный кабинет, Крозельчикюс невольно думал о том, что хозяин этого кабинета мог бы выручить его без особых усилий. Как всякий маленький человек, Крозельчикюс искренне верил в безграничные возможности публичных людей, верил, что

имелись у них специальные рычаги влияния на всё, происходящее в этом мире. Таким публичным человеком был не Виташ Бодани, но его отец – тот самый Карел Бодани, после обличительной статьи которого в «Лидове новины» Штайнграу официально запретил кинетоскоп и представители Эдисона покинули страну.

Парадокс: именно младший Бодани был владельцем одного из оставшихся в городе частных кинетоскопов и даже после запрета нередко устраивал домашние просмотры. Однажды он и Крозельчикюса приглашал на «Казнь Марии Шотландской» (рассказывали, что для шокирующих одиннадцати секунд этого фильма Кларк и Эдисон обезглавили настоящую женщину). Крозельчикюс тогда отказался: ему никак нельзя было привлекать к себе внимание серых.

– Я слышал, Виташ имеет отношение к «Спектруму»? – осторожно поинтересовался Крозельчикюс. Они ждали Виташа уже час, но Крозельчикюс не был расстроен: всё это время Агата посвятила ему одному.

– О, так вы знаете? – обрадовалась Агата. – Вам Виташ рассказал?

Крозельчикюс неопределённо пожал плечами, нервно усмехнулся. Агата сделала строгое лицо, погрозила ему пальцем.

– Вы же понимаете, пан Крозельчикюс, что это тайна?
– По сравнению с пропажей гелиофора это пустяк, поверьте.

Значит, Зайнике не обманул. Впрочем, это не имело значения. О «Спектруме» в последнее время говорили много, но исключительно шёпотом – как о единственной реальной оппозиции Штайнграу. «Спектрум» выпускал собственную газету, журналисты которой ловкими булавочными уколами досаждали серым, не давая, однако, поводов для запрета движения. Если все активисты движения были под стать Виташу, то не удивительно, что им так долго позволяли оставаться на плаву.

То ли от скуки, то ли от смущения Агата взялась наводить порядок: поправила статуэтки на полке, собрала в аккуратную стопку разбросанные книги. Крозельчикюс ревниво отметил, что девушка чувствует себя здесь совершенно свободно. Когда они только пришли, она распорядилась, чтобы принесли кофей, и строго отчитала старого лакея за нерасторопность.

Самому Крозельчикюсу было в этом кабинете крайне неудобно. Виташ, не сознавая того, наполнил мансарду удивительно яркими и болтливими вещами, которые теперь без стеснения рассматривали Крозельчикюса и подавали ему знаки, настойчиво напоминая о его душевной хвори. Ужасно несвоевременно. Крозельчикюс старался не смотреть по сторонам.

– Виташ, всё-таки удивительный. Сколько раз предлагала я ему повесить на стену гелиографии – что-нибудь из работ Люмьеров, например... – Агата указала на стену, увешанную

квадратными картинками в рамках. Крозельчикюс старался не смотреть в ту сторону, вместо этого принялся придирчиво изучать носки собственных ботинок. Агата продолжала: – Но нет, он упёрся в эти сизые квадраты, ни за что не хочет их менять. Его друг, Казимир... Вы знаете Казимира? Он утверждает, что можно научиться отличать один такой квадрат от другого. Что они разные, представляете? Это, разумеется, только глупые выдумки супрематистов.

Последнее слово Агата произнесла презрительно, точно говорила о чём-то неприличном.

– Думаю, пан Крозельчикюс с тобой не согласится. – Слова эти сопровождалось надрывным скрипом ступенек: по лестнице поднимался Виташ Бодани.

6

Виташ Бодани сказал:

– Крозельчикюс. Вам несказанно повезло. Я знаю парня, который знает другого парня, который что-то слышал про вашу пропажу. И этот третий – вы следите за моей мыслью, Крозельчикюс? – этот третий готов вернуть вам м-м-м... вашу собственность взамен на небольшую услугу.

Крозельчикюс непонимающе уставился на Виташа.

– Я не очень понял вас, Виташ, – медленно сказал Крозельчикюс, пытаясь подобрать слова. В голове его случились мельтешение и хаос. Мысли отказывались становиться сло-

вами, пихались, роптали, выталкивали друг друга вперёд. – Парень, который знает другого парня, который – что?

Виташ склонился над Крозельчикюсом.

– Бросьте это, Крозельчикюс. Бросьте. Я вижу, что мы преотлично друг друга понимаем.

Крозельчикюс отвёл глаза. Ещё секунду назад он надеялся, что понял Виташа неправильно.

– Какого рода услуга требуется вашему парню? – Крозельчикюсу трудно далась эта фраза, горло сдавило спазмом, а руки, даже упёртые в колени, продолжали ходить ходуном.

– Не моему, Крозельчикюс! – очень искренне возмутился Виташ. – Да если бы это был мой парень, я бы тотчас вернул вам утерянное. Мы же свои люди, Крозельчикюс! Нет-нет, тот пан совершенно незнакомый. Можно сказать, прохожий. Знаете, как бывает? Вы обронили, он нашёл.

– В моей квартире?

– Почём я знаю? Я не вдавался в детали, я просто передаю информацию, полезную вам. Моему другу. Или мы не друзья, Крозельчикюс?

Виташ налил себе виски в стакан и стал пить короткими глотками. Крозельчикюсу не предложил.

Крозельчикюс с минуту молча следил за танцем пылинки в солнечном свете. Потом небрежно перевёл взгляд на стену, увешанную рамками с цветными квадратами внутри – работами супрематистов (тоже, кстати, запрещённых). Некоторые цвета были просто шокирующими... Крозель-

чикюс невероятным усилием воли отвернулся. Дальше – стеллаж с книгами – до потолка; рабочий стол (туда лучше не смотреть), кресло-качалка (встревоженный скрип), барный шкаф. Виташ.

Нисефор тебя дери, думал Крозельчикюс, глядя на Виташа. Тот был невозмутим, во взгляде – искренняя забота о друге. А на деле... Мелкий вор и шантажист. Но как держится! Будто действительно хочет помочь Крозельчикюсу, а не скидывает в пропасть.

– Этому парню... – Виташ, решив, что выдержал нужную паузу, продолжил, – назовём его Игрек... Игреку нужна безделица, в сущности...

– Да не томите же, Виташ, – нетерпеливо простонал Крозельчикюс. – Мне, откровенно говоря, даже интересно, что может понадобиться Иксу, Игреку и прочим Зедам от обыкновенного зрителя музейного архива.

– Потерянная гелиография, – скороговоркой выпалил Виташ и запил эти слова огромным глотком виски.

Крозельчикюс медленно, с расстановкой, спросил:

– Вы. С ума. Сошли. Виташ?

Крозельчикюс успокоился вдруг, руки и голос вновь его слушались, мысли выстроились в параллельные шеренги, мир стал прост. Он поднялся, поправил очки, немного рассеянно огляделся – не оставил ли здесь своих вещей? – и, не говоря более ни слова, двинулся к лестнице.

– Эй, вы куда, Крозельчикюс? А как же гелиофор?

– Вы хотели сказать, моя собственность?

Виташ резко пересёк комнату и преградил Крозельчикюсу путь.

– Я хочу сказать – ваша свобода, Крозельчикюс. Она не дорога вам?

– Дорога. Как память. Но жизнь дороже. Выпустите меня, Виташ.

– Если вы уйдёте, то завтра ваш гелиофор найдёт какая-нибудь милая старушка и сдаст хвостам. – Виташ достал папиросу, не спеша прикурил, затянулся, выпустил дым. – И все двенадцать пластинок будут отсняты. Запрещёнными кадрами, Крозельчикюс.

Крозельчикюс, не глядя на Виташа, подошёл к бару, налил себе полстакана виски и залпом выпил. Закашлялся.

– Папиросу? – участливо спросил Виташ.

Крозельчикюс сказал:

– Положим, вам удался ваш шантаж. Я испугался и решил вам помочь. Но, Виташ, сами подумайте – где я возьму вам потерянную гелиографию? Потерянную, Виташ! Это значит, что её нет. Испарилась. Исчезла.

Виташ подошёл к Крозельчикюсу, встал рядом, у окна.

– Одна птичка на хвосте принесла, что гелиография у вас, – доверительно сообщил он. – Или – вы знаете, где этот снимок найти. И если птичка ошиблась – вам же хуже.

Виташ распахнул окно, и вместе с порывом ветра и запахом осени в комнату ворвались звуки улицы: клаксоны авто-

мобилей, шелест деревьев, шум городской толпы, воркование голубей.

7

История гелиографии началась не сто лет назад, а ещё на двенадцать лет раньше, когда эксперименты Нисефора Ниепце с закреплением гелиоизображений впервые увенчались успехом. О первой гелиографии сохранилось мало сведений. Снимок был сделан с помощью особого гелиораствора, описания которого в дневниках Ниепце нет. Не существует ни одного документального подтверждения, что Нисефор сделал ещё хотя бы одну гелиографию с помощью того же раствора.

Зато о Мёренской ярмарке известно многое. В те дни в столицу съехались тысячи зевак. Сотни из них пришли поглазеть на диорамы Ниепце – чудо привычное – и заодно бросали взгляд на новейшую работу мастера. Маленькую, шесть на восемь сантиметров, картинку с диковинным названием – гелиография.

– А правду рассказывают, что она проклята? – Агата легко прикоснулась к руке Крозельчикюса. Сердце его мгновенно выпрыгнуло куда-то в горло и застряло там, мешая дышать.

– Прощу прощения? – прохрипел Крозельчикюс.

– Первая гелиография. Говорят, у того, кто на неё посмотрит, выпадают глаза...

– О. Нет, конечно, нет. Ерунда, бабушкины сказки.

Крозельчикюс поёжился. Желание оглянуться и убедиться, что за ними не следует отряд хвостов в одинаковых касторовых костюмах, ощутимо жгло изнутри, как физиологическая потребность. Вроде голода.

Они шли по Радничке в сторону Старой ратуши, рядом с которой помещался музей «Дом Нисефора». При других обстоятельствах Крозельчикюс был бы совершенно счастлив. План его, пусть кривой дорожкой, привёл к нужному результату: Агата была рядом. Но цена такого счастья Крозельчикюса решительно не устраивала. Авантюра, в которую тянул его коварный Виташ, никак не должна была зацепить эту невинную девушку.

Невдалеке от музея помещался газетный киоск. Крозельчикюс остановился рядом с ним, чтобы незаметно осмотреться.

Конечно, никаких хвостов позади не было. По пустынной серой мостовой ветер гонял жухлые кленовые листья. Но Крозельчикюса не отпускало тревожное чувство, что улица полна тайных соглядатаев, которые только и ждут момента, чтобы уличить преступников.

Юноша в потрёпанной федоре прошёл мимо, окинув Крозельчикюса и Агату равнодушным взглядом. Равнодушным ли? Нескладная дамочка у соседнего дома изучала список жильцов. Подозрительно.

– Что пан хочет? Вечернюю «Лидове»? Папиросы, та-

бак? – противным голосом поинтересовался старик-киоскёр. Крозельчикюс спохватился, ткнул пальцем в первую попавшуюся пачку папирос.

Наклонился к Агате и зашептал:

– Панна Агата, не нужна вам эта махинация. Оставайтесь.

Агата испуганно оглянулась. По противоположной стороне улицы медленно шёл Виташ, искусно делая вид, что совершенно не интересуется Крозельчикюсом и Агатой.

– Простите меня, пан Крозельчикюс, что посоветовала вам обратиться к нему, – ответила Агата. – У меня и мысли не было... что Виташ... Я так хотела помочь! И теперь не оставляю вас! Не смейте перечить.

Холодной своей ладошкой Агата сжала запястье Крозельчикюса, и тот замер в блаженстве. Пусть завтра смерть. Теперь не страшно.

– Шесть гелеров, – напомнил о себе киоскёр.

Крозельчикюс поспешно дал ему несколько монет и машинально спрятал в карман ненужные папиросы.

«Дом Нисефора», как и большинство музеев, в понедельник не работал, а мрачно дремал серыми стенами в компании усатого сторожа.

Этот дом не был родным для Ниепце. Это была его тюрьма.

Нисефора заперли здесь почти сразу, после дознания по делу о мёренской чуме. И ему ещё повезло. Остальные жертвы первой гелиографии, в том числе и жена Ниепце, за-

кончили свои дни в карцерах Богнице, где их до смерти лечили кровопусканиями, слабительными, опиумом, чемерицей и ледяной водой. Ниепце не лечили. Почти. Но ему долгих двенадцать лет пришлось трудиться в этих стенах – на благо общества.

«Дом Нисефора» следовало бы назвать музеем славы Штайнграу. Это был памятник нечеловеческой изворотливости основателей серого департамента. Открытие Ниепце, обернувшееся мёренской чумой, для Шейнграу стало лестницей к власти; никчёмная лаборатория при Богнице превратилась в структуру, контролирующую весь Мёрен.

В Штайнграу хотели от Нисефора много, но добились только изобретения безопасной гелиографии, развитие и распространение которой серые с тех пор чутко и бдительно сдерживали. Всякое новшество, хоть бы и косвенно связанное с опасной наукой офтальмологией, тщательно обнюхивали специальные люди из патентного ведомства Штайнграу и, как правило, запрещали.

Было совсем уже темно, когда Агата приостановились у запертых ворот «Дома Нисефора». Крозельчикюс же решительно прошёл мимо, прошипев только:

– Не сюда.

Он двинулся вдоль чугунной ограды, заросшей плющом, и повернул за угол. Здесь Крозельчикюса нагнал Виташ, ухватил за плечо.

– Без фокусов, дружище. Вы куда собрались?

– Пан Бодани, – сказал Крозельчикюс, оглядываясь, – оставимте панну Агату здесь. Незачем впутывать её в грязное дело.

Неслышно подошла Агата.

– Я иду с вами, и это не обсуждается. – В её голосе прозвучали металлические нотки. Виташ и Крозельчикюс переглянулись.

– Крозельчикюс, вы неправы насчёт грязного дела, – горячо зашептал Виташ. – Я не всё могу рассказать, но поверьте, вы оказываете «Спектрumu» неоценимую услугу.

– Думаете, меня впечатляют ваши детские игры в политику? – Крозельчикюс скептически поднял бровь. Отодвинул рукой заросли плюща и сказал: – Прошу.

Следуя привычке хранить и систематизировать не только музейные экспонаты, но и любую информацию об окружающем мире, Крозельчикюс давно приметил место в ограде, где расположенные достаточно широко прутья решётки позволяли забраться на территорию музея в обход ворот и сторожки охраны.

– Вы недооцениваете «Спектрум». Знаете ли вы, какую библиотеку по теме человеческого зрения нам удалось собрать? – В голосе Виташа звучал неподдельный фанатизм. – Я намерен читать научный труд некоего Яна Далтона – это удивительно, что он пишет...

– Впервые слышу это имя.

– Уж об этом в Штайнграу побеспокоились. А о Менделе

вы слышали? Гениальный учёный, светило. Сгинул в Богнице вслед за Далтоном.

– Ваши учёные были душевнобольными?

– Они позволили себе сомнение.

Крозельчикюс достал часы из жилетного кармашка. Семнадцать пятнадцать.

– У нас не более получаса, – сказал он. – Поторопимся.

Три тени, крадучись, проскользнули через сад к чёрному ходу, каким обыкновенно пользовались только технические сотрудники музея. Пропустив Виташа и Агату вперёд, Крозельчикюс задержался. В шелесте деревьев и шуме ветра ему почудились тревожные знаки. И дверь скрипела как-то не так. Предупреждающе. За изгородью как будто мелькнул свет фонаря.

Крозельчикюс мысленно посчитал до тринадцати и захлопнул за собой дверь.

8

Почувствовав знакомый запах щёлочи, которым пропитано было всё здание музея, Крозельчикюс немного успокоился.

Виташ успел уже зажечь лампу и уйти по коридору далеко вперёд, Крозельчикюс двинулся за ним, ориентируясь на пятно света.

– Стойте, пан Крозельчикюс! – тревожно прошептал где-

то рядом голос Агаты. – У меня плохое предчувствие. Не пойдём туда.

– То есть как – не пойдём? – занервничал Крозельчикюс. Теперь и его накрыло плохим предчувствием, да так, что он счёл за лучшее прислониться к стене. Агата взяла его за руку.

Тотчас раздался хлопок выстрела, крик, потом где-то впереди послышалось эхо голосов и шагов.

– Западня, – сдавленно прошептала Агата. – Что делать, пан Крозельчикюс?

Такого поворота событий Крозельчикюс никак не ожидал. Разве мог он решить – что делать? Впасть в ступор и мелко дрожать, пока голоса и шаги не доберутся сюда? Потерять сознание от избытка чувств? Забиться в угол и не дышать?

Но прохладная маленькая ладонь сжимала его руку, и Крозельчикюс мужественным шёпотом сказал:

– Уходите, панна Агата. Я задержу их.

Агата напряглась, впиалась в его ладонь ногтями так, что, кажется, пошла кровь.

– Я боюсь, Станислас. Не оставляйте меня.

Никто не звал его по имени уже пятнадцать лет, с тех пор как умерла матушка.

Крозельчикюс решительно распахнул дверь и вывел Агату наружу.

Кажется, здесь никто их не ждал.

На полпути к ограде Агата резко остановилась. Крозельчикюс едва не упал от неожиданности.

– А как же вы теперь вернёте свой гелиофор? – спросила Агата. – Ведь гелиография осталась в музее...

– Пойдёмте, панна Агата, не стойте тут, – зашипел Крозельчикюс.

– Нет! – почти закричала Агата. – Немедленно возвращаюсь! Пан Крозельчикюс!

Крозельчикюс затравленно оглянулся. Ни сторожа, ни хвостов он пока не заметил, но был уверен, что с минуты на минуту они явятся сюда.

– Агаточка, миленькая, позвольте вывести вас отсюда. После поговорим.

– Но я не хочу, чтобы вас арестовали серые. – Агата почти плакала. Крозельчикюс растроганно улыбнулся.

– Ну, раз не хотите, значит, не арестуют. Как бы то ни было, возвращаться в музей нам незачем. Первой гелиографии там нет. – Крозельчикюс машинально поправил очки.

– Как так? – Агата привстала на цыпочки, пытаясь разглядеть лицо Крозельчикюса. – Зачем же мы сюда пришли?

– Откровенно говоря, я рассчитывал отдать Виташу одну из достаточно старых, но самых обыкновенных гелиографий. Что-то из первых тюремных экспериментов Ниепце с раствором, каким мы пользуемся до сих пор. Настоящая первая гелиография давно хранится у меня дома.

Крозельчикюс любил свой дом. Но только полгода назад, когда он случайно нашёл в архиве музея ту самую гелиографию и через сто с лишним лет сделался новой жертвой мёренской чумы, Крозельчикюс смог по достоинству оценить красоту и гармонию дома и научился как следует понимать его.

Сейчас дом был встревожен. Стены почти кричали, стёкла в окнах держались на грани истерики. Фарфоровые бинтуронги на каминной полке зыркали мрачно и дёргали усами.

Крозельчикюс прикрыл за собой дверь. Агата, то ли почувствовав настрой дома, то ли по иной причине, была непривычно молчалива. Даже, как показалось Крозельчикюсу, несколько напряжена.

Крозельчикюс снял со стены гелиографию, висевшую рядом с изображением чёрного индийского элѐфанта. Это было простенький кадр – бульвар, дома, деревья, чёрное небо. Специалист без труда узнал бы вид, открывающийся на Радничку из «Дома Нисефора».

– Неужели это она? – жадно спросила Агата.

– Почти, – усмехнулся Крозельчикюс. Он отогнул крепления и убрал задник рамки. Бережно достал металлическую пластинку, передал её Агате, перевернув другой стороной. – Не знаю, как Ниепце сберѐг эту гелиографию во время аре-

ста, но позже он просто воспользовался ею снова. Видите: с одной стороны пластины – вид из окна, а с другой... Я нашёл этот снимок в альбоме среди десятка таких же.

– Но она... пустая, – разочарованно сказала Агата.

– Поднесите к свету... Вот так. И чуть поверните. – Крозельчикюс своей рукой помог Агате повернуть гелиографию как следует.

Крозельчикюс в который раз изумился, как красива и настолько же печальна женщина, запечатлённая на этом снимке.

– Почему Ниепце всё-таки не уничтожил снимок? После всего... – спросила Агата.

– Это портрет его жены. Он любил её. – Крозельчикюс переставил лампу к краю стола, чтобы Агата могла удобно устроиться на стуле и рассмотреть изображение.

За лампой протянулась едва заметная дорожка пролитого керосина. Крозельчикюс отошёл в тень.

Агата всмотрелась в гелиографию. Ахнула, зажмурилась.

– Я... не понимаю, – сказала она. – Что-то не так в этой... Она... громкая? Мне больно смотреть.

– Это называется цвет. Не бойтесь. Больно только в первый раз. Вы будете плохо видеть – недолго. Может быть, полчаса. Зато потом... – Крозельчикюс запнулся, продолжил совсем тихо: – Вы могли просто попросить, панна Агата. – Ему очень трудно дались эти слова, спокойствие вновь покинуло Крозельчикюса, голос дрожал.

Агата резко поднялась и, не выпуская гелиографию из рук, сделала несколько неуверенных шагов в сторону двери. Остановилась.

– Что вы имеете в виду, пан Крозельчикюс?

– Я отдал бы вам свою жизнь.

Агата шумно выдохнула, помолчала несколько мгновений (Крозельчикюс успел мысленно сосчитать до девяти), словно обдумывая что-то. За эти мгновения внешность её изменилась удивительно, как будто Агата с облегчением сняла маску глупой девочки. И стала... кем?

– Вы не отдали бы, – презрительно сказала она. – Эта гелиография у вас уже несколько месяцев, и вам не пришло в голову даже показать её мне.

– Это опасная вещь, милая Агата. Практически приговор. Впрочем, вам ли я буду это рассказывать, серая вы моя.

Агата нахмурилась.

– Давно знаете?

– Узнал – только что. Заподозрил в музее.

Бинтуронги с камина смотрели укоризненно. Крозельчикюс нашёл в себе силы приблизиться к Агате, чтобы ещё раз – на прощанье – заглянуть в её глаза.

– Я только не понимаю, зачем вы подставили Виташа, – сказал он. – Ведь это вы – та самая птичка, которую он упомянул. Вы рассказали ему и про мой гелиофор, и про эту гелиографию.

Агата повернула голову на его голос. Усмехнулась.

– Ну как же, это как раз очень просто. И элегантно, я считаю. Мой подарок Штайнграу на прощанье. Глава «Спектрума» пойман с поличным при попытке кражи из музея Ниепце. Наконец есть повод прижать гадёнышей. И серые отвлекутся на это лакомство, пока я буду искать покупателя. Как в шахматах, Крозельчикюс. Вы играете в шахматы? Одним ходом убить двух зайцев. Раз-раз, и в дамки, – сказав это, Агата направилась к двери, безошибочно определив направление.

– Вы, наверное, имеете в виду шашки, дорогая? – Этот вопрос прозвучал одновременно с выстрелом.

У двери стоял инспектор Зайнике всё в том же полосатом пальто и кепке. В руке его дымился револьвер.

10

Зайнике поставил гелиофор на бюро, а сам прошёл к креслу, стараясь не смотреть на гелиографию, выпавшую из рук Агаты. Достал свою ужасную трубку цвета молодой зелени. Продемонстрировал её Крозельчикюсу.

– Вы ведь видите цвет, правда, Крозельчикюс?

Крозельчикюс кивнул машинально. Отвернулся к Агате. Та сидела, криво прислонившись к столу, недоверчиво смотрела на свою блузку, пропитавшуюся кровью. Крозельчикюс опустился на колени рядом с ней, взял за руку. Рука была пронзительно холодной.

– Кровь. Она как... что? Как... – едва слышно прошептала Агата, но не закончила фразу. Крозельчикюс каким-то специальным чувством понял: Агата умерла.

– Как закат, – хрипло сказал Крозельчикюс.

Мир остановился. Крозельчикюс вообразил, что замерли световые лучи в плену линз и скрипят, неспособные вырваться, – как если бы кто-то назойливо водил железом по стеклу. Что-то мешало свету двигаться дальше. Что-то мешало Крозельчикюсу дышать.

– Только не нужно убиваться, Крозельчикюс, – грубо сказал Зайнике. И в этой грубости Крозельчикюсу почудилась попытка оправдаться.

Сквозь приоткрытую форточку слышно было, как на улице жужжит гидравлическая машина и поёт сверчок. Эти два звука сливались в одну, такую привычную и уютную мелодию. Крозельчикюс помимо воли прислушался к ней, ожидая различить новые ноты: перешёптывания, хриплое дыхание, шаги. Звуки засады.

Но там были только сверчок и гидравлическая машина.

– А ведь вы тут один, Зайнике или как-вас-там, – сказал Крозельчикюс.

Зайнике не ответил. Он набил трубку и теперь с явным удовольствием курил.

Крозельчикюс чувствовал себя престранно: кажется, впервые в жизни он ничего не боялся. Всё самое страшное уже случилось. И выжгло его изнутри.

Крозельчикюс подошёл к камину. Полосатые бинтуронги выстроились в ряд. Они смотрели на Крозельчикюса мрачно, но одобрительно. Искоса глянул Крозельчикюс влево и такой же одобрительный, полный нехорошей решимости вид заметил у керосиновой лампы.

Легко поднял тело Агаты, аккуратно уложил на стол рядом с керосинкой.

Зайнике с любопытством следил за его действиями, но ничего не предпринимал.

– У меня револьвер, Крозельчикюс, – только напомнил он.

– Так стреляйте, – спокойно ответил Крозельчикюс.

– Вы нездоровы, Крозельчикюс. Мёренская чума – не шутка. Вас вылечат.

– В Богнице?

– Медицина не стоит на месте. Есть...

– Зайнике, почему вы один? – перебил Крозельчикюс. – Не всё так гладко в сером департаменте, да? Подкрепление задерживается? Наверное, празднуют там арест Виташа.

У Крозельчикюса не было плана. Он импровизировал, и ему это нравилось.

Крозельчикюс убрал бинтуронгов с каминной полки в карман. Взял в руки справочник Ниепце. Никчёмная книга, если подумать. Будто Крозельчикюс не разберётся сам, какую композицию выбрать для гелиографии. Он положил справочник на стол. Пусть хоть раз послужит для пользы дела.

– А ведь я несколько месяцев действительно считал себя душевнобольным. Один против вселенной... Это, знаете, бодрит. – Крозельчикюс поднял с пола гелиографию. – Я был неправ, Зайнике. Вы слишком нервничаете, слишком боитесь меня.

– Чего вы хотите, Крозельчикюс? Штайнграу обеспечит вас всем. Признаюсь по секрету, вы нужны нам.

– Чего я хочу... Например, увидеть, какого цвета море. Увидеть мир, который вы украли.

Зайнике попытался привстать, но отчего-то у него не получилось. Он принялся ёрзать в кресле, стараясь делать это незаметно для Крозельчикюса.

– Вы потеряли способность рассуждать здраво. Болезнь прогрессирует. Не останови мы мёренскую чуму сто лет назад, мир погряз бы в войнах и хаосе! Забудьте о тихой Европе, забудьте о сильном Мёрене. – Крозельчикюс не слушал его, а слушал скрип половиц и чувствовал в нём слова прощания. Дом знал, чем закончится эта ночь. – Вам не интересно, Крозельчикюс?

– Пропаганды мне довольно по радио. Но мне вот что интересно: почему вы не стреляете?

– Мне незачем убивать вас. Вы симпатичны мне, Крозельчикюс. Только прекратите, пожалуйста, эти метания по комнате...

– А вы остановите меня. – Крозельчикюс оглядел комнату. Всё ему тут было дорого, но иногда приходится расста-

ваться и с самым дорогим.

Крозельчикюс достал папиросы, которые купил в киоске рядом с музеем. Теперь только он разглядел, что на пачке изображена была девица, удивительно похожая на Агату. В руках она держала поднос с грушами. Девушка печально подмигнула Крозельчикюсу.

Он похлопал себя по карманам. Обернулся к Зайнике:

– Могу я попросить у вас спички?

– Так-то лучше! – одобрительно сказал Зайнике. – Покурите, успокойтесь. Только не подходите ближе! Я брошу вам коробок.

Поймав спички, Крозельчикюс тотчас спрятал папиросы в карман и сказал:

– Карандаш, огонь, вода, карма-барма, цу-е-фа.

Зайнике с подозрительным прищуром следил за тем, как Крозельчикюс зажигает спичку.

– Что вы делаете, Крозельчикюс? Немедленно курите!

– Извините, Зайнике. Не люблю это дело. – Крозельчикюс бросил спичку на стол, туда, где на пропитанной керосином скатерти лежало тело Агаты. – Прощайте, Зайнике. Жаль, вы не способны оценить, как красиво сейчас здесь будет.

– Стойте, Крозельчикюс! – Инспектор направил на Крозельчикюса револьвер. Это был не какой-нибудь легкомысленный «кобольд», а мудрый надёжный «маузер»; дуло его смотрело печально и строго.

– Очень хорошо, – сказал Крозельчикюс, снимая очки

и убирая их в нагрудный карман. — Если вы правы и я болен... Если мир только кажется мне не таким, каким видите его вы, то револьвер выстрелит, и мы умрём здесь вместе. Если прав я и неодобрение револьвером вашей серой деятельности — не странные фантазии воспалённого мозга, а реальный факт, то будет осечка. Стреляйте.

Стол, справочник Ниепце и Агата почти мгновенно превратились в пламя. Огонь уже тянулся к шторам и ковру. Крозельчикюс поднял гелиографию, подхватил с бюро гелиофор и, не удержавшись, обернулся, чтобы подмигнуть креслу, в котором сидел побагровевший инспектор, и револьверу в руке Зайнике.

Инспектор так и не выстрелил.

Крозельчикюс вышел и не видел уже, как беспомощно Зайнике бился в крепких объятиях кресла, одной маленькой пружиной зацепившегося за ремень инспектора. Как, отбросив револьвер, пытался Зайнике дотащить кресло к двери, но не смог справиться с силой притяжения пола, удерживающей громадину на месте.

Зато Крозельчикюс слышал, как взрываются патроны, до которых добрался голодный огонь.

Крозельчикюс пересёк улицу и обернулся. Дом пылал. Пламя пожирало его яростно и жадно. Достойный погребальный костёр для Агаты. Прощай, дом.

Крозельчикюс разложил штатив, установил гелиофор. На крышку усадил фарфоровых бинтуронгов, которых до-

стал из кармана, – пусть тоже полюбуются.

Крозельчикюс немного волновался: это был его первый кадр.

Фатаморгана

Вечером его ждёт карусель. С этой скверной мыслью Майнц открыл глаза. И зачем вспомнил? Теперь весь день будет отравлен ожиданием карусельного небытия.

Майнц мрачно всматривался в серую хмарь барака, дышал глубоко, стараясь успокоить разошедшееся от дурных предчувствий сердце. Припоминал и не мог припомнить во-ронову считалочку, которой учил его когда-то северный человек Тымылык, уверяя, что считалочка эта защитит от всякой напасти.

Тымылык давно уже сгинул в упырях. Не помогла считалочка.

Да и был ли он, Тымылык? Память – штука ненадёжная. Карусель кромсает её, вымарывая, как из негодной рукописи, то строчку, то абзац, то целые страницы. После электрической встряски память лихорадочно штопает дыры, вместо разрушенных тропок прокладывает новые, путанные, ненадёжные. Стохастические. Ишь, слово-то какое мудрёное, откуда только берутся такие в голове? Всё карусель виновата. Сам не заметишь, как чужие слова станут твоими мыслями, а чужая байка – твоим прошлым. Нельзя верить памяти, искалеченной десятками карусельных циклов и тысячью бессонных ночей.

Отдых у непокойника короткий. Триста минут – больше

не положено, да и не требуется. От долгого отдыха непокойник может нечаянно уснуть, а сон для него – билет в один конец.

Прозвенел наконец колокол, отмечая на полотне дня первую зарубку: пять утра.

Загорелась тусклая лампочка под потолком. Зашуршали одеяла на соседних нарах. Сверху посыпался кашель – проснулся Вольтов. Бодро впрыгнул в валенки юный Алёшка, пропел фальшиво:

– Утро красит нежным светом!..

– Буратинушка, заткни пасть! – зло зашипели на Алёшку сверху.

Тот улыбнулся широко, подмигнул Майнцу и вышел вон.

Майнц глядел ему вслед без одобрения. Одно слово – буратина. Полено нетёсаное. Пришёл Алёшка крайним этапом, был весел, полон раздражающего оптимизма. Состояние для буратины ненормальное. Свежий непокойник обыкновенно к окружающему миру равнодушен, двигается неловко, дёргано, говорит коротко, неохотно. Будто всему учится заново.

Ничего, карусель из него дурь-то повыбьет. Подумал так Майнц – и тотчас устыдился нехорошей мысли. Карусель, жадная сука, съедает всё человеческое.

– Лев Давидыч, подсоби! – позвал Вольтов. В углу медленно копошилось и хрипело то, что вчера ещё было Марковским, высоким громогласным мужиком. Давно, до всего, Марковский, говорят, комэском был. Солдатиков в атаки го-

нял. А теперь пожалуйста: уснул – и в упыри.

Майнц с Вольтовым вдвоём вынесли Марковского в сени, там его прибрали дневальные.

Предкарусельный день – самый тяжкий, пережить его едва ли не страшнее, чем карусель открутить. График составлен так ловко, чтобы лишнего грамма электричества покойник не получал. Оттого последний день тянется как целый век. А ты попробуй, протяни век в мёртвой Москве.

Вдоль колонны, скрипя ржавыми сочленениями, двинулись карлы, сопровождаемые острым запахом солярки. Майнц слышал байки – карлы, мол, не полностью механические, а вроде бы сидит в каждой специальный человек. Грамады они, конечно, знатные, лилипут или ребёнок внутри всяко поместится. Да кто ж живого человека на такую работу поставит? Живых в наше время экономят, особенно детей. Живому наверх, в город, выбраться никак невозможно.

Равнодушные металлические щупальцы карлы проверили Майнца на предмет контрабанды, беспощадно открывая холоду и без того промёрзшие кости. Из контрабанды у Майнца были табак, завёрнутый в мятую бумажку, спички, тощая записная книжечка, исписанная убористым почерком, да огрызок карандаша. Табаком карлы не интересовались, а карандаш, спички и книжечку Майнц надёжно припрятал в левом валенке.

Двинулись к выходу крытым коридором. Коридор этот

проложен наружу мимо подземного подъёмника. Потому карлы здесь злые и подозрительные. Нет-нет – а найдётся непокойник, мечтающий вернуться вниз, в тёплую Подземь, к живым. Таким карлы сразу хребет ломают, пощады не жди. Чтоб остальным неповадно было.

Коридор узкий, колонна по двое. Смотрит Майнц – рядом идёт Алёшка.

Прошли первые ворота. Здесь крыша закончилась. Одна радость у непокойника – небо видит. Небо сизое, низкое; хмурые тучи нависли прямо над головой. Ничего в нём вроде и нет – а всё равно утешает.

На востоке потянулась полоска рассвета, фиолетовая, неяркая. Видимости никакой: серый снег заместил собой воздух, набился в глаза и ноздри, хлещет по лицу.

– Вот тебе и весь рассвет, – сказал Алёшка таким тоном, будто продолжал прерванный разговор. – Ты, Лев Давидыч, помнишь, какие рассветы были раньше? Какое небо было?

Майнц не стал отвечать. Память непокойника – чужой альбом с семейными фотокарточками. Листаешь его равнодушно, думая: скорей бы последняя страница. Но иной раз среди парадных портретов и замысловатых интерьеров попадётся деталь, от которой сердце замирает, и в глазах появляется резь. Ты и сам не помнишь, почему тебе так важна эта надколотая чашка в руках у чужого младенца. Или потрескавшиеся обои за спиной незнакомки. Но тоска накрывает – хоть плачь.

За воротами жестянок меньше, и бдительность они сбавляют. За воротами дёру дать – дураков нет. Здесь уже карлы как бы и не надзирают, а охраняют. Мало ли что. Иной раз пройдутся по спине щупальцей, но нежно так, для порядка.

Подступил, взял за горло, пробрался во все косточки жгучий мороз. Даже Алёшка притих. Буратина буратиной, а понимает – тепло своё, не казённое. Беречь его надо, а не на пустые разговоры тратить.

Прошли по мосту на Балчуг, где круглые сутки дымит Раушская электростанция. На станцию вчера ещё отписал Майнца бригадир – проинспектировать исправность труб вместо постоянного станционного мастера, который неожиданно угодил в упыри. Теперь Майнц прикидывал, как изловчиться, чтоб не остаться приписанным к станции. С одной стороны, это, считай, повышение. И работа непыльная, если руки с нужной стороны приделаны. С другой – станционные всегда у карл на виду, оттого их чаще гоняют на торфы – без всякой очереди. А торф из-подо льда копать – хуже нет работы для непокойника.

– Ты, Лев Давидыч, сколько уже здесь? – снова вступил Алёшка. Майнц привычно смолчал, только покосился на буратину неодобрительно: молодой совсем, чуть за двадцать; лицо открытое, безволосое, характер незлобивый. И чем не угодил? Предчувствие беды грызло Майнца острыми зубами.

– Да ты хоть слово ответь, Лев Давидыч! Люди же, не кар-

лы железные. Разговаривать надо! Общаться.

Вот ведь привязчивый. Три дня – с тех пор как доставили свежих буратин из Подземи – ходил Алёшка за Майнцем хвостом. Ни к кому больше не лип. Другой на его месте уже проучил бы Алёшку как следует. А Майнц отворачивался да отмалчивался – авось буратина сам отвяжется. Припоминал полоумную старушку из Александровского сада. На неё случайно, вскользь, глянешь, и она тотчас принимается рассказывать историю своего семейства от сотворения мира. Таков был и Алёшка.

Шагал буратина легко, пружинисто. Не умел ещё беречь энергию. Не пришлось ему последний день до карусели дотягивать на жалких крохах, да чтоб сердце колотилось и в глазах темнота. А ты знай, работай. Иначе от карлы по хребту получишь ржавой щупальцей.

Майнц двигался осторожно, без лишней торопливости, каждый шаг отмеряя, точно по линейке.

На Садовнической случился затор. Что впереди – не разглядеть. Пошёл шепоток, что карлы завели какую-то новую проверку на входе в электростанцию. Строй рассыпался, разбился на группы, кое-кто закурил. Наверху, в городе, всегда так: дисциплина улетучивается сама собой. Карлы засуетились, зашипели динамиками. Прошлись легонько по непокойничким спинам щупальцами – равнодушно, без злости. Досталось и Майнцу – самую малость. Битые непокойники на карл ноль внимания: разговоров не прекращают, папи-

росы не выбрасывают. А Алёшка хмурится, кулаки сжимает. Майнц слова сказать не успел – буратина камень поднял, какой поувесистей, да в карлу запулил со всей дури буратинской. На мгновение мир застыл. А потом поехало. Карла пошатнулся на куриных своих лапах, всколыхнулся ржавой тушей, грозно зашипел динамиками, заскрежетал. Мать! Майнц так и присел. Обернётся сейчас карла – разбирать не станет, который тут такой храбрый. Щупальцей сломит надвое, и всей радости Майнцу останется – в упырях вечность. А не сломит – в длительное отправят, на торфах косточки морозить.

Одно хорошо: разворачиваются карлы неуклюже. Хитрые их механизмы не для того приспособлены, чтобы балеринские пируэты выдавать.

Алёшка не будь дурак – сквозанул в проулок, ну, и Майнц за ним: прятаться надо, а там уже думать.

Дальше пошло совсем наперекосяк. Догнало Майнца щупальцей, самым краем, но теперь уже всерьёз. И не то плохо было, что спина горела от большого удара, а то, что карла мог его запомнить.

Переулками, переулками вышли к мосту. Сейчас бы к электростанции завернуть, да затаиться, пока карла перебесится... Нет, не выйдет номер. У ворот трое карл караулят, злющие. Ждут. Делать нечего: помчался вслед за Алёшкой через реку чуть не к самому Кремлю. За мостом оглянулся – не вернуться ли? Не вернуться: у моста карлы собираются,

щупальцами шевелят, совещаются.

Самое страшное – тишина. В бараках ли, на работах – абсолютной тишины никогда не случается: то карла пройдёт, шипя динамиком, то свой же брат непокойник закашляется или захрапит. Это даже при таком сферическом условии, что никто баек в углу не травит, не перешёптывается и не поёт.

Другое дело – мёртвый город. Пока ветер завывает – ещё ничего. А ну как затихнет?

Майнц припал спиной к каменной кладке, затаил дыхание. И накрыло его ватной тишиной. Тишина эта Майнцу представлялась существом – недобрым, тёмным. Тишина пряталась за углом и в подвале, сквозила по лестницам заброшенных домов. И смотрела.

Алёшка остановился рядом, дышит тяжело. А глазищи так и светятся. Тьфу, дурачина!

– Славно пробежались, а, Лев Давидыч?

– Да чтоб тебе провалиться, буратина ты эдакая! На торфы хочешь загреметь – дело твоё, меня-то за собой зачем тянешь?

– А я уж было подумал, что вы говорить разучились, – усмехнулся Алёшка. – Хотя б для того стоило побегать, чтоб вы мне отвечать стали.

– Ты зачем, собака, в карлу камень бросил?

– Так я ж за вас вступился!

Вот дурачина. Ишь, вступился. Он, поди, и благодарности

ждёт. Не понять ему, полену, Майнцевой беды. Последнее дело бегать так, когда электры едва-едва осталось: в глазах темнеет, сердце из груди рвётся.

Алёшка отдышится – и снова будет человек. У него электры ещё на месяц. А Майнцу нехорошо.

– За мной не ходи, – сказал Майнц строго. – Сам кашу заварил, сам и расхлёбывай.

Шатаясь и припадая на левую ногу, пошёл он прочь.

А страшной тишины только фатаморгана.

За углом снежная хмарь закончилась. А началась дивная весна, и черёмуха, и тенистые аллеи парка. Майнц прямо-таки закачался от запаха этой весны.

Важно семенили по тропинке старушки-гусыни, беседуя о старушечьих своих делах. Мальчик лет пяти разогнался на велосипеде – упал. Майнц разглядел, как струится кровь из ударенной коленки. Мальчик, однако, стиснул зубы и не ревел.

Порыв ветра сорвал лепестки черёмухи, и они, играя в лучах света, падали, падали, падали.

На скамейке устроилась молоденькая студенточка с шариком мороженого на вафле. И так, и эдак примеривалась, как бы половчее надкусить. Подле неё читала книжицу барышня в белом крепдешиновом сарафане.левой рукой покачивала детскую коляску. Прошёл фронт в шляпе, полосатый весь, с кучерявой собакой на поводке – всякому ясно,

иностранец или писатель. У тележки цветочницы приотстоялся, выбрал себе колокольчик в петличку. Пижон.

Майнц совсем было собрался своею рукой проверить, каковы на ощупь деревья эти, скамейки и барышни, когда заметил на аллее Алёшку. Очень уж нелеп получился непокойник на эдаком фоне. Теперь только разглядел Майнц, как бледен буратина лицом, увидел ввалившиеся глаза его и щёки, грязную, вовсе неуместную в весенней свежести одежду: валенки эти, да штаны ватные, телогрейку, шапку с ушами.

Рядом с крепдешиновою барышней и коляской Алёшка остановился. Присел на самый краешек скамейки – осторожно, как бы не запачкать. Стал смотреть в книжку. Руки Алёшка упёр в колени и вообще вид имел самый смущённый. Наклонился над коляской, сказал что-то младенцу. Потом вздохнул тяжко и пошёл прочь, отворачивая лицо.

Майнц достал из-за пазухи коричневую бумажку, в которую у него был завернут табак. Здесь же, с табаком, и газетка была припрятана.

Оглянулся ещё раз на аллею. Таяла фатаморгана, порванная ледяными порывами ветра, занесённая колючим снегом. Сквозь призрачные деревья просвечивали серые руины и голодные чёрные дыры обледенелых переулков.

На запорошенной снежной скамейке осталась только барышня в крепдешине. Уже почти прозрачная, она продолжала читать книжку, не замечая холода и снега.

К Майнцу подошёл Алёшка.

– Жена моя, – сообщил буднично. – Верочка. А в коляске – сын, Андрюха.

Что ответить, Майнц не нашёлся. Не одного человека свели с ума фатаморганы. Но чтоб за непокойников брались, такого не бывало. Всё больше живых донимали. Давно уже этих фатаморган никто не видел, а было время, когда цеплялись ещё люди за поверхность, полный город таких призраков ходил наравне с живыми.

Вниз, в подземелья, люди не столько ото льда и мёртвого воздуха бежали, сколько от них – от фатаморган.

Майнц отмерил щепотку табака, протянул на обрывке газеты Алёшке. Тот с благодарностью принял.

– Раньше-то как было. Смена здесь, смена там. Здесь засну, там проснусь. – Алёшка, не имея мундштука, ловко скрутил козью ножку, задымил.

– Контра ты, Алёшка, – не удержался Майнц. – Страсти какие рассказываешь. Был бы живой, расстреляли б.

Алёшка ухмыльнулся как-то неправильно – легкомысленно, что ли.

– Пусть бы и расстреляли. Чем так.

Историй таких Майнц слышал немало. Их приносили из-под земли буратины, не прошедшие первую свою карусель. Рассказы становились легендами, обрастали домысленными подробностями.

Что-де во сне-то мир остался прежним, и неизвестно ещё, какой из миров – настоящее. Что никакого Ускорителя там

не было, а город цел, и цветут сады. Снилось многим, а болтали не все. Тех, кто поговорливее, расстреливали без суда. Соображений было два: чтоб не подрывали моральную целостность строителей Подземи да чтоб не болтали, какие там новые политические веяния в якобы настоящем мире им наснились.

Сам-то Майнц, конечно, ничего такого не помнил – карусель начисто вымарала его память о досмертном существовании.

– Я всё думал – головой повредился, – продолжил Алёшка. – К доктору ходил. А когда Димка, аспирант, проговорился, что с ним та же история, – тогда-то я испугался понастоящему.

– Ладно врать! Какие теперь аспиранты?

– Да не здесь же. Там... – Алёшка махнул рукой в сторону исчезнувших уже аллей. – А потом прекратилось. Только вот я остался на этой стороне, а не на той. Снов нет – как отрезало. Засыпаю – и чернота. Просыпаюсь – опять здесь. Точно в кошмар провалился.

Что тут ответишь? Душевное нездоровье со смертью никуда не исчезает. Случалось ему видеть непокойников с разными фанабериями. Исправляла всё карусель, равняла всех под одну гребёнку. И правильно. Оно спокойнее, когда рядом понятный непокойник, а не безумец какой.

Алёшка наклонился к Майнцу. Глаза внимательные, брови хмурые.

– Скажите, Лев Давидыч, фатаморгана – она, по-вашему, что такое?

Тут Майнцу отвечать было нечего. Потому он просто покачал головой, боясь перечить нездоровому буратине. Алёшке ответа и не требовалось, ему рассказать жгло:

– А я так думаю: мир разделился надвое. Один живой. Там цветы, солнечный свет и весна. Второй – мёртвый. Здесь чёрный лёд, серый снег. И мертвяки. Вопрос только: отчего это случилось. Кто виноват?

– Тут и гадать нечего: Ускоритель виноват.

– Так ведь не было никакого Ускорителя! Там – не было.

Как с таким разговаривать? Если уж вбил себе в голову ересь, никакими словами не переубедишь. Что без толку силы тратить? Для воспитания карусель есть. Она и не таких равняла.

– А вы бы, Лев Давидыч, какой мир выбрали?

– Так если б от меня зависело! Моё-то слово что решит?

– А вдруг? Вдруг именно ваше и решает? – Глаза Алёшки горели теперь безумным, ярким блеском глубины неимоверной – и будто отражался в нём тот самый сказочный мир из снов и фатаморган, где не было никогда Ускорителя и город был жив.

Чтоб закончить бесполезный разговор, Майнц сказал вежливо:

– Умер-то – и здесь ты, а не там. Значит, здесь оно понастоящее будет.

Сказав так, Майнц затушил докуренную папиросу, припрятал мундштук и пошёл к подъезду, который приметил для разведки.

Алёшка увязался следом. Майнц не стал его гнать: на смену злости пришли практические соображения – вдвоём в мёртвом городе всяко спокойнее.

Майнц взбирался по лестнице наверх, не забывая слушать медленное своё сердце. Алёшке он велел ждать внизу, сторожить приоткрытую дверь подъезда – чтоб не захлопнулась.

Сквозь прорехи в стене открывался панорамный вид на Кремль – разрушенный, посеревший, утративший свою гармоническую красоту. В чудом уцелевших башнях зияли неровные дыры. Майнц вообразил, как седыми призраками бродят по руинам наркомы и секретари, смотрят внимательно несуществующие бумаги, подписывают указы прозрачными чернилами. А внизу, в гараже, водитель льёт бензин в бак «Паккарда», не замечая битых стёкол, проржавевшей обшивки и потрескавшейся краски.

На крыше лютовал ветер. Майнц, прищурившись и ладонью прикрыв глаза от снега, стал смотреть вниз.

Дело было швах. На подмогу обиженному карле собрались десятки его металлических сородичей. Мост и подходы к электростанции они перегородили намертво. По всему выходило, решили обидчиков обратно в лагерь не пускать. Прочитать то есть.

Беды в том большой нет – на воле ночевать. Страху на-терпишься, косточки заморозишь до боли. Голодность будет повышенная – это так, ерунда.

Карлы завтра уже забудут об обиде, память у них электрическая, короткая. Да и отчётность строгая. Непокойник, конечно, ценность нынче невеликая, один вмёрз в стену, четверо этапом придут. А всё ж электра на него трачена. Отведён был карлам порог производственных потерь: три непокойника на месяц. Не станут они долго лютовать.

Майнца терзала мысль о карусели. Четыре недели есть у непокойника, чтоб сносить старую электру. Не бывает такого, чтоб подлецы-расчётчики выдали электры с запасом. Майнц чувствовал, как медленнеет организм, соловееет. Хотелось глаза закрыть, приткнуться в уголке и уснуть.

Спать непокойнику нельзя. Научный факт: от сна нарушается функция электры, ломается какой-то её порядок – и всё, пиши пропало. Будешь как Марковский: хрипеть да ногтями пол царапать. А после свезут тебя в Третьяковку. Раньше-то упырей в землю зарывали, а потом смекнули: зачем беспокойных мертвяков рядом держать, когда наверху целый город для хранения отстроен? Стали свозить в уцелевшие дома да и запирать там.

Идёшь по мёртвой Москве, тишину слушаешь, а они тебе, упыри-то, из-за стен шепчут.

Майнц поспешил вниз. Никак нельзя было откладывать возвращение. Алёшке всего-то бед – ночь без пайки да

на морозе, у него электры ещё – на троих хватит. А Майнцу в упыри неохота.

Карусель теперь виделась ему желанным маяком в опасной тьме, где неверный шаг вёл к упырству и бессмысленной чёрной вечности.

И всё же карусель была страшна – простыми словами не опишешь. Да и не говорят о таком непокойники, тема-то интимная, всё одно, что бельё обсуждать. Но не бывало такого, чтобы непокойник с охотой шёл карусель крутить. Или мечтал бы, как поскорее до неё добраться. Кому расскажешь – засмеют.

Майнц вынырнул из тёмной дыры подъезда, кивнул Алёшке и пошёл на север, прочь от Балчуга. Был у Майнца в запасе способ пробраться на Балчуг в обход карл. Круглой путь, обнаруженный едва ли не десять лет назад при работах в погостном тоннеле и тогда ещё подробно записанный в книжечку. Оставалось надеяться, что за годы не зарос этот путь упырями и льдом.

Шли молча. Алёшка порывался было сказать что-то или спросить, но морозный воздух обернулся другом Майнцу: сковал болтливого буратину, окутал. Ветер хозяйски гулял по переулкам, жестоко хлестал по лицу, не то что говорить – думать возможно было разве только о следующем шаге. Правой.левой.

Майнц хитрым переулком по-над стеночкой да под арочкой выбрался на Никольскую и повернул на площадь Дзер-

жинского. От площади мало что сохранилось. Остатки зданий уродливыми рваными тенями проступали сквозь пелену снега. Чернели меж каменных обломков суровые проржавевшие лица метростроевцев. Выпуклые арочные входы в вестибюль метро были завалены, но Майнц знал дверку с боковой стороны и сразу пошёл к ней.

Дверь вмёрзла в косяк, Майнц дёрнул её раз, другой и позвал Алёшку на помощь. Здесь же найденным куском арматуры Алёшка посшибал лёд из щелей. Вдвоём открыли.

В вестибюле, в мусорном сухом углу посреди бетонных обломков приберёг когда-то Майнц охапку газет. Вот, стало быть, и пригодились.

Газеты пахли пылью, рассыпались, зато не отсырели. Майнц снял варежки. Одну газету оставил себе, остальные вручил Алёшке. Скрутил из трухлявой бумаги подобие факела, чиркнул спичкой.

Газета занялась. Кое-как огонь разбавил чернильную тьму, выпятились на стене медные буквы: «Московский метрополитен им. Л. М. Кагановича». Майнц пошёл к эскалаторам. Эскалаторы, понятно, были завалены под завязку. Но уж Майнц-то тропку знал. Где на четвереньках, где ползком, потушив газеты, кое-как протиснулись вниз. На то непокойник худ и вёрток, чтобы всюду пролезть.

Станция, сверкавшая когда-то белизной, покрыта была теперь толстым слоем серой пыли.

Майнц сразу свернул направо, по вертикальной лесенке

спустился прямо на рельсы и, не дожидаясь Алёшку, пошёл в тёмный тоннель.

Здесь уже ватной городской тишины не было. В тоннель помалу добирался шум верхних этажей Подземки. Не был ещё слышен, но угадывался опытным ухом.

Идти по тоннелю было удобно, но вёл он к «Охотнорядской», вовсе не в ту степь, в какую нужно. Майнц слышал байки, что по этому тоннелю можно добраться до самого Ускорителя, но проверять не решался. Кольцо Ускорителя, прорытое под землёй, отчего-то страшило его неимоверно. Одно только слово «Ускоритель» заставляло Майнца кутаться потеплее и подозрительно оглядываться вокруг, точно Ускоритель был слепым демоном и выискивал себе жертв среди болтливых непокойников.

Шли в темноте, экономя газеты и спички.

Майнц планами с Алёшкой не делился, а тот крепок был – вопросов не задавал, разбавлял путь нелепыми студенческими байками, которые неуместностью своей в холодном подземном тоннеле поспорить могли разве что с кремовым тортом.

– ...а на экзамен он непременно с газетой приходил. И газету эдак широко разворачивал, читал. Уже чудак. Но слушайте дальше. Другой бы на его месте газету такую резко опустил – и сразу знает, кто списывает, а кто, значит, сам... А этот был не таков! Он газетой шелестел минут пять,

прежде чем поверх неё взглянуть.

– Ты меня, Алёшка, извини, конечно. Но эти твои профессора – они мне до лампочки, – сказал Майнц, зажигая газетный факел. На память Майнц не полагался, а заметка в книжечке подсказывала, что слева скоро будет неприметная дверца.

Была – да сплыла. Глаза Майнцовы, уставшие, умирающие, не хотели видеть в сплошной тёмной стене дверцу.

Майнц остановился, стал слушать, как сыплет промёрзшая крошка с потолка, капает где-то впереди подтаявший от случайного подземного тепла лёд. Скрипят Алёшкины валенки по сгнившим шпалам. Давит, давит, давит сверху близкая мёртвость города.

Заметив, как напряжённо вслушивается Майнц в тишину, Алёшка так и застыл с открытым ртом, не решаясь сказать. Постоял с полминуты, не удержался:

– Так ведь это о вас всё, Лев Давидыч! Вы тот профессор и есть!

Ох, мать твою ять! С одной стороны – куда уж хуже беда, чем бегство от карл и скорое упырство в перспективе. А с другой – вот она, электрическая горячка, один в один все симптомы. Эскулапы, сволочи, повадились отправлять буратин наверх недодержанными, и нате вам результат. Расхлёбывай, Лев Давидыч.

С горячечным буратиной держаться следует спокойно, но строго. Не подкармливай бред – он и улетучится. Со вре-

менем. А если не улетучится, так карусель ошибки эскулапские выправит.

Майнц обернулся к Алёшке, сказал с расстановкой:

– Ещё что подобное услышу – бить буду. И больно.

Угроза эта была пустая, конечно. Куда там Майнцу, хилу и рассыпающемуся, побить новёхонького Алёшку.

– Лев Давидыч... – завёл было Алёшка свою пластинку заново, но под недобрим взглядом Майнца сник.

В наступившей тишине Майнц услышал наконец: слева, в метре, шипит-шумит пар за стеной, тихонько сочится из ржавой трубы. И уже зная наверное, где искать, разглядел. Вот она, дверка, спряталась.

Через каморочку техническую метровскую знал Майнц дорогу к новому тоннелю – узкому, оставшемуся от строителей Подземи. Делали второпях, тоннель забили под завязку строительным мусором, да и забыли. Через завал этот Майнц опять знал тропку. За годы она осыпалась, запаршивела, но, несколько разгребя, перебрались в другой тоннель. Был это, по сути, технический этаж нижнего города, нулевой. Как раз над первым, значит.

Первый подземный этаж – всё одно что погост. Сюда свозят мертвецов со всей Подземи, прежде чем отправить их в город. Смешно выходит: жили наверху, мертвецов в землю складывали. Теперь вот наоборот.

На первом этаже, погостовом, из мертвецов непокойни-

ков делают.

Стать непокойником просто. Сперва, понятно, нужно умереть. И тогда тебя, обездвиженного, немого, приносят на погост – к медикам то есть. Лежишь ты в коридоре или в палате – это как повезёт. Смотришь в потолок, если глаза открыты. В себя, если закрыты. Чувствуешь, как медленно, по капле истончается разум, мутнеет сознание. Обычно стараются мертвяков не передерживать, но всякое бывает. Иной раз в самый последний момент придёт за тобой эскулап. Эскулапа тоже можно понять. У него рабочий день ненормированный.

Сразу после укола электры всяк по-разному себя ведёт. Какие смиренно ждут этапа, другие с ума свинчивают – тем смирительную рубашку и в карцер. Не со зла, для порядка. Раньше после укола в общую палату складывали на сутки – пока электра с организмом замирится. Сейчас, говорят, не допускают такого гуманизма. Дело отлажено, дозы подобраны, рука набита. А в результате всё чаще случаются такие вот Алёшки с горящими глазами.

Если после укола мертвец кажется спокойным – не верь. Значит, все бури он переживает внутри себя. Электра впиивается в упыряющийся организм, встряхивает его, словно стальными нитями окутывает мозг и пускает электрический ток.

Заряда этого хватит на месяц, а дальше электра станет

мёртвой, как и сам непокойник. Тут уж его ведут на карусель – заряжать новой электрой.

– Облетев Землю в корабле-спутнике, я увидел, как прекрасна наша планета. Люди, будем хранить и приумножать эту красоту, а не разрушать её! – голос доносится откуда-то издалека, словно бы по радио.

И другой голос, казённый, дикторский:

– Величайшая победа нашей науки, нашей техники, нашего мужества...

Майнц открыл глаза. Только моргнул – и едва не уснул.

Были они уже в узком воздухоходе прямо над медиками.

Ползли на четвереньках.

Алёшка остановился, вгляделся вниз сквозь частую решётку. Видно там было немного: кусок коридора, прямо у эскулапской. Вдоль стен на койках по трое сложены были мертвяки, ещё не заряженные, снулые. Если присмотреться, увидеть можно, как медленно шевелят они пальцами, как открывают рот в беззвучном стоне. Оставь таких на сутки – будут готовые упыри.

Промелькнула в коридоре равнодушная карлина туша, размахивая шупальцами.

Что-то неправильное было в Алёшкином взгляде. Точно упырей он видел впервые. Нелепость.

Где ползком, где волчком, добрались до заброшенного погостного тоннеля. Над ним была река, и за ней – Балчуг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.